

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
КАЛМЫЦКОЙ АССР

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1

Э Л И С Т А 1976

902.7(C154)

У. ДУШАН

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КАЛМЫКИИ

Рекомендуемые вниманию читателя этнографические записки Улюмджи Душана «Обычаи, традиции и обряды дореволюционной Калмыкии» подробно знакомят читателей с народными обычаями, обрядами и традициями дореволюционной Калмыкии.

У. Душан родился в 1892 году в рыбацкой семье и почти всю жизнь прожил в Калмыкии, следовательно, сам пережил все то, что приходилось переживать трудящемуся калмыку в дореволюционные годы.

Душан принадлежал к той небольшой прослойке калмыков, которая сумела преодолеть трудности на пути к просвещению и выйти в ряды передовых людей своего времени.

В своей биографии он рассказывает, что заветной его мечтой было — стать агрономом. Но астраханский губернатор, он же главный попечитель калмыцкого народа, предложил быть медиком. Ослушаться — значит навлечь на себя гнев и очутиться вне стен учебного заведения.

В апреле 1917 года тов. Душан окончил мединститут и получил назначение в Эркетеновский врачебный участок. В 1918 году тов. Душан вступил в ряды Красной Армии, а в 1919 году вступил в ряды Коммунистической партии.

В 1920 году он демобилизовался из армии и в том же году был избран в члены Калмыцкого облисполкома. С 1921 по 1928 год заведовал областным здравоотделом. С 1928 по 1930 год был заместителем заведующего Нижне-Волжским крайздравом. Начиная с 1928 года, он — член Нижне-Волжского и Сталинградского крайисполкома. В 1935—1937 годах он — нарком здравоохранения Калмыцкой АССР.

Вопросы обычаев и обрядов дореволюционной Калмыкии впервые были освещены У. Душаном еще в 20 годах н. в. и

опубликованы в 1928 году под заглавием «Вредные обычаи и суеверия у калмыков и борьба с ними», г. Астрахань, 1928 год. В предисловии к книге автор писал: «Моей целью было дать возможность калмыкам хоть немного разобраться в сущности суеверий и обычаев, но главным образом дать хотя бы минимальную руководящую нить агитработникам по борьбе их с предрассудками среди калмыков». В конце 20-х годов в обычаях и обрядах калмыков тех лет сохранялось еще много пережитков старины. Поэтому У. Душан в своем труде главное внимание читателей обращал на серьезную борьбу с имеющимися в быту калмыков вредными пережитками, обычаями и суевериями. Книга У. Душана сыграла большую роль в борьбе с пережитками прошлого в быту калмыков.

За годы социалистического строительства трудящиеся Советской Калмыкии достигли огромных успехов. Один тот факт, что в республике уже осуществляется всеобщее обучение юношей и девушек, является свидетельством высокого развития культуры и образования трудящихся.

Для читателей современной Калмыкии «Записки» Душана по вопросам этнографии калмыков могут служить пособием для знакомства с былыми бытовыми фактами, тормозившими культурное развитие калмыков.

Необходимость опубликования работы У. Душана об обычаях и обрядах дореволюционной Калмыкии вызывается тем обстоятельством, что книга «О вредных обычаях и обрядах калмыков» в массовых библиотеках не сохранилась, она стала уже библиографической редкостью.

Вопросы этнографии калмыков являются частью общей истории калмыцкого народа. Для ознакомления читателей с обычаями, традициями и обрядами, бытовавшими в калмыцких улусах до революции, мы решили опубликовать в нашем вестнике «Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии» — этнографические записки ныне покойного врача У. Душана, много сделавшего в борьбе по преодолению вредных обрядов в быту калмыков.

Душан хорошо знал жизнь своего народа. В течение многих лет он внимательно изучал быт, обычаи и обряды калмыков. Результатом этого изучения и явился рекомендуемый труд.

Он собрал богатый фактический материал о дореволюционном семейно-бытовом укладе калмыков, об их отношении к явлениям природы, к животному миру, об обычаях, обрядах и традициях калмыков.

В первоначальном тексте труда У. Душана об обрядах и обычаях калмыков было описано много деталей бытовых обря-

дов, которые давно уже позабыты даже представителями старших поколений калмыков и потеряли даже свое былое значение. Поэтому редакционная группа сочла целесообразным внести в «Записках» некоторые редакционные поправки.

Редколлегия

ГЛАВА I

КАЛМЫЦКАЯ КИБИТКА

Основным жилищем калмыков в условиях кочевой жизни являлась кибитка.

Калмыцкая кибитка имеет конусообразную форму; правильнее — половина кибитки представляет из себя цилиндр, а верхняя — усеченный конус.

Цилиндр представляет из себя решетки кибитки. Усеченный конус — жерди, дымовое отверстие. Решетки, дверь, дымовое отверстие и жерди составляют остов кибитки.

Решетки деревянные. Они непременно должны быть выкрашены в красный цвет, ибо это соответствовало традиционному красно-желтому цвету одежды духовенства. В другие цвета, например, зеленый, могли красить люди «благородные» (белая кость). Решетки приготавливаются особыми специалистами-мастерами. Прикрепляются они ремешками из верблюжьей кожи, как более прочными, чем другие. Обыкновенная кибитка простоя имела шесть решеток. Больше указанного количества решеток могли иметь кибитки дворянства, знати, богачей, духовенства и хурулы.

Решетки, скрепленные между собой шерстяной тесьмой, постепенно стягиваются, начало и конец решеток прикрепляются такими же веревками к двери. После чего решетки уже имеют форму цилиндра.

Дверь калмыцкой кибитки очень проста. Она состоит из двух створок. Створки состоят из нескольких деревянных пластинок. Открывается дверь всегда внутрь. Обычно она окрашивается в разные цвета (пестрые) со всевозможными узорами.

Дымовое отверстие (харача) кибитки имеет круглую форму и делается большею частью из дуба. Деревянный остов кибитки покрывается сверху войлоками. Войлоки имеют определенную форму и определенные назначения. Всех войлоков, входящих в состав кибитки, десять. Из них пять покрывают верхнюю часть (конус) и пять нижнюю часть (цилиндр).

Сообразно с местом своего назначения войлоки имеют и со-

ответствующую форму. Большинство из них обшиваются у верхних боковых краев кручеными шерстяными веревками, а некоторые двумя рядами веревок. Обшивая таким образом войлок, калмыки несомненно подходят с чисто практической стороны. Во-первых, подшивкой достигается красота, изящность, но главным образом прочность, иначе края кошмы растянутся. Шерстяные веревки-тесмы (хошлнг), которыми войлок прикрепляется к остову кибитки, должны лежать правильно, пластом. Правильное расположение этих веревок, по-видимому, делается с чисто практических соображений и опрятности.

Существуют также особые правила, как обращаться с войлоками. Так, войлок, который прикрывает дверь, при необходимости должен быть аккуратно свернут рулоном и поставлен над нею. Что касается других войлоков, прикрывающих кибитку, то их при кочевках надо складывать аккуратно, по особому правилу. За этим следят пожилые калмыки.

Войлок, покрывающий дымовое отверстие кибитки, закрывает не все отверстия целиком: одна ее половинка, если не идет дождь, днем всегда открыта. Обычно бывает открыта половинка с западной, восточной или южной стороны, сообразно с направлением ветра.

Дверь кибитки, по старому поверью калмыков, всегда должна находиться с южной стороны и вход должен строго соответствовать югу. При установке кибитки хозяева самым тщательным образом следят, чтобы дверь была обращена на юг. Юг, по их словам, богом возлюбленная сторона, — сторона, которая несет всегда тепло. Поэтому не только кибитка, все люди должны обращать внимание и взоры на юг. По верованию калмыков, юг оттого благостен, что там бог отдохнул в полдень (возлюбил это место).

Одновременное закрытие днем дымового отверстия и двери войлоком не допускается. По убеждению калмыков, дымовое отверстие и дверь могут быть одновременно закрыты только в том случае, если в кибитке или все погибли от чего-нибудь или тяжело больны. В таком виде кибитка может быть у больных оспой. Это единственная болезнь, которая наводила панический ужас на калмыков. Вследствие этого больные оспой оставлялись почти без надзора, так как здоровые люди укладывались от них далеко.

Ночью это правило не соблюдается: дверь и дымовое отверстие могут в случае надобности (дождь, сохранение тепла) закрыты войлоком одновременно с наступлением ночи до восхода солнца.

Не разрешается смотреть как со двора, так и изнутри кибитки через отверстия над притолком. По уверениям калмыков через эти отверстия без крайней нужды никто не будет смотреть. Через них могут смотреть только злоумышленники, нечистая сила и сами хозяева кибитки, чтобы узнать происходящее вне кибитки. Эти отверстия представляют очень удобные позиции для стрельбы и для того, чтобы не выпускать никого из кибитки. В связи с этим верованием, калмыки самым тщательным образом старались, чтобы не было никаких отверстий в тех местах, где они могут образоваться благодаря оплошности или неправильному прикреплению войлоков к остову кибитки.

Калмыки не разрешали привязывать скот концом веревки, оставшейся лишней после прикрепления войлока, покрывающего дымовое отверстие. Точно так же ею нельзя ударять животных. По их объяснению, это может повлиять на богатство данного человека. Можно предположить, что это поверье связано с суевериями, существующими относительно кочевки. Дело в том, что для калмыков безразлично, когда снимать войлок, покрывающий дымовое отверстие. Животное же, привязанное этой веревкой, может стянуть его. Калмыки верили, что нечистые силы выходят из своих убежищ с наступлением сумерек. Рыская по всем направлениям, они могут забежать и в жилище, когда там никого нет. Поэтому калмыки не оставляли кибитку после захода солнца пустой, т. е. без человека. В крайнем случае, если нет возможности кого-нибудь оставить в кибитке, то оставляли в очаге огонь. Огонь по их поверью очищает от нечистых сил и прогоняет их. Также на ночь не оставалась пустой и кровать (постель): кто-нибудь должен лежать на ней, особенно, если хозяин ее в отъезде. Оставленной на ночь пустой постелью может завладеть нечистая сила, что непременно вредно влияет на здоровье отсутствующего. Поэтому на ночь в таких случаях приглашали человека со стороны (обычно мальчика-подростка) ночевать в кибитке и спать на постели отсутствующего, если же нет такого человека, то жена отсутствующего на ночь кладет на кровать топор — символ мужской мощи.

Воспрещается зря ходить вокруг кибитки. Такое хождение тоже дурная примета. Во-первых, вокруг кибитки ходит тот, кто зазывает заблудшую душу. Во-вторых, ходят только вокруг хурула, когда молятся. Кибитка — не хурул, следовательно, ей нельзя придавать то значение, которое свойственно хурулу. Никому не позволено выходить из кибитки с грузом на спине. По толкованию калмыков, выходящий с грузом на спине уносит их счастье и богатство. Всякая вещь, которая должна быть передана постороннему, выносится по левой стороне кибитки. Пра-

вая сторона ее считается местом почетным, счастливым; поэтому, вместе с вынесенными по этой стороне вещами, выносятся и счастье хозяина. Входить в кибитку с грузом на спине не возбраняется. Это считается хорошим предзнаменованием, ибо вносится богатство и счастье.

Если выходящий из кибитки человек упадет, то это дурная примета. Такого человека якобы будет преследовать несчастье и весьма возможно, что у него сломается и нога. Чтобы предотвратить это несчастье, упавший должен войти в кибитку обратно и снова выйти.

Строго воспрещалось кому бы то ни было входить в кибитку с палочкой или с трубкой во рту. Даже детям не разрешаются подобные вещи. Палочку должны оставить вне кибитки. Если кто-нибудь нечаянно вошел в кибитку с трубкой во рту, то он должен выйти из нее, вынуть трубку изо рта и только после этого опять войти. По всей вероятности, это запрещение имеет чисто практическое значение. Можно нечаянно упасть. Если во рту находилась какая-нибудь палочка, хотя бы трубка с чубуком, — это грозит опасностью.

Не разрешалось сидеть на пороге двери. По мнению калмыков на нем могут сидеть только иноверцы (русские, татары и т. д.). Поэтому если кто-нибудь сядет там, то ему тотчас же делают замечание, говоря: «Ведь ты не русский, не татарин, вообще не иноверец, а человек калмыцкого (буддийского) вероисповедания». Это запрещение, по нашему мнению, тоже принимается с чисто практической целью. Сидеть на пороге, это значит быть на сквозняке, что не безразлично для здоровья сидящего, и мешать входящим и выходящим из кибитки.

Считается неприличным выходить лицом вперед, т. е. прямо, а нужно обернуться лицом внутрь кибитки и выходить спиной, если в кибитке имеются уважаемые лица. Не разрешается также выходить и снохе.

Сноха при входе и выходе из кибитки не должна ронять своей шапки, а так как при выходе из кибитки приходится всегда наклоняться, чтобы не удариться о верхнюю часть двери, то шапка нередко падает с головы. Поэтому при входе и выходе приходится принимать предосторожности, чтобы шапка случайно не упала. Если у снохи упадет шапка, то она должна свекра или старшего брата мужа или его дядей угостить чаем или еще чем-нибудь, чтобы они простили ей эту оплошность.

Выходить и входить в кибитку нужно с правой ноги. С левой ноги могут входить и выходить только люди нетактичные, неверующие, не признающие калмыцких обычаев.

В кибитку уважаемых лиц — зайсангов, нойонов, высшего

духовенства — входили, подходя с левой стороны кибитки, а, выходя, уходили по правую сторону. Такую же процедуру делали снохи и некоторые другие лица. Во все хурулы, молитвенные дома тоже входили и уходили с правой стороны.

Считалось большим грехом стоять, прислонившись к решеткам кибитки. Подобное явление предвещает хозяину кибитки, что будет сильный ветер и кибитку придется удерживать таким образом, иначе она может упасть. Но истинная причина здесь, по-видимому, заключается в другом, а именно, чтобы прислонением (тяжестью) не наклонить кибитку на бок.

Считалось неприличным и в то же время предвещающим несчастье прислонение к «барану» (место, где собрано все лучшее имущество хозяина и сложено с таким расчетом, чтобы положить сверх него сундук). Калмыки объясняли запрет прислоняться к «барану» тем, что от этого он искривляется, становится неправильным. Неправильное положение его якобы поведет к тому, что все дела, предпринимаемые хозяином кибитки, никогда не будут правильными и во всем будет недостаток. Смысл, несомненно, заключается в том, чтобы «баран» стоял правильно, если всякий будет прислоняться, то он может упасть и попортить хозяйское добро.

Никому не позволялось трогать кибитку без надобности. По ней также нельзя ударять, если это не вызвано чем-нибудь необходимым. По верованиям калмыков по кибитке может ударить только нечистая сила или же неприятель. Поэтому, если кто-нибудь ударит кибитку, то происходит крупная ссора, которая кончалась иногда очень печально. Ни в коем случае нельзя было кочевать и вообще трогать кибитку ночью. Кочевать ночью калмыка могло заставить лишь что-нибудь из ряда вон выходящее (эпидемия, грабеж, нападение и т. д.). Если ему нужно кочевать ночью, то он снимал еще до захода солнца войлок, покрывающий дымовое отверстие, потом он мог снова положить его на место и ночью спокойно укочевать куда угодно. Снимая днем войлок с дымового отверстия, он тем самым считал себя укочевавшим уже днем, а не ночью. Таким образом, он обманывал всех недругов, которые, видя, что калмык снял войлок с дымового отверстия, мог думать, что он уже укочевал. Этим самым он предотвращал от себя все те несчастья, которые могли быть от кочевки ночью.

Какое большое значение калмыки придают кочевке ночью, ясно из следующего случая. Лет 30 тому назад один калмык Эркетеновского улуса в пьяном виде, несмотря на уговоры своих близких и соседей, собрался ночью кочевать, т. е. снимать войлоки, покрывающие остоу кибитки. Случай произошел в конце

20-х гг. На другой день у этого калмыка утонула дочь лет 12. Когда, удрученные и убитые горем, родители попросили зурхачи (астролога) посмотреть в своей священной книге причину смерти девушки, то тот сказал им следующее: по предназначению в книге судеб должна была умереть девушка еще днем, когда вздумал кочевать у нее отец. Но в силу каких-то непонятных обстоятельств, которые не могут постичь простые смертные, и заступничества за нее всех богов и святых, черт, который пришел в тот день за ее душой, не сумел погубить ее. Черт и царь ада на этот раз были побеждены и бессильны были погубить ее. Девушку же, как просрочившую свою смерть, ждала долгая и счастливая жизнь. Но ночью, когда семья ее стала кочевать, боги решили, что она, несмотря на все предпринятые ими меры, все же умерла. Оплакала ее и ее звезда (калмыки считают, что каждый человек имеет свою звезду) и покатила в бесконечное мировое пространство. Таким образом, девушка должна была умереть как неимеющая уже своей собственной звезды и, кроме того, боги никаких мер больше не приняли, чтобы сберечь ее от черта.

Вот такие последствия могли быть, по мнению калмыков, от неурочной кочевки. Отсюда немудрено, что им уделялось большое внимание, когда и в какое время можно было трогать кибитку. Кочевка была сопряжена со многими обычаями и суевериями.

Кочевать можно было не каждый день. Существовали, по мнению калмыков, дни «счастливые» и «несчастливые». Можно было кочевать только в счастливые дни. В несчастливые дни могли быть большие неприятности, беды.

Дело в том, что калмыки полагали, что в эти дни имелся большой риск встретиться с нечистой силой. Если калмыку необходимо было кочевать в несчастливый день, то он в предыдущий «счастливым» день до захода солнца снимал войлок, покрывающий дымовое отверстие. Снятие войлока с дымового отверстия, как мы сказали, равносильно тому, что данный человек уже укочевал.

Были дни, когда абсолютно нельзя было трогать кибитку. Таких дней в месяце считалось три, иногда четыре. Кроме того, каждая семья имела еще особые дни, когда она не может кочевать, например, многие калмыки не кочевали в числа: 3, 13, 23.

Калмыки полагали, что год имеет своего хозяина-царя. Когда кончается год, то он якобы подобно калмыкам, тоже снимался с места и кочует. Хан (царь) года жил на небе и кочевал раз в году. Это происходило к концу зимы. Так как хан года очень

богат, то он кочевал целых трое суток. В эти дни никто не должен был кочевать и выносить из кибитки золу. По верованиям калмыков, укочевавший в эти дни будет вечно кочевать и бродить. В пример они приводили цыган. Они рассказывали, что цыгане кочуют все время и не имеют определенного места потому, что наказаны богом за то, что укочевали в дни кочевки «хана года».

Дурным предзнаменованием считалось кочевать и производить уборку в доме в тот день, когда кто-нибудь из семьи уехал. Суть этого запрета заключалась в том, что ушедший или уехавший принимался бы тогда за умершего. Естественно, семья боится предпринять такие меры, которые производятся после покойника. Калмыки после выноса покойника из кибитки тотчас же переносили ее (кибитку) на новое место. Калмыки верят в существование души. Боятся ее возвращения, поэтому тут же по выносе покойника переносят кибитку на другое место, чтобы душа не нашла ее.

Войлоки, покрывающие кибитку, как правило, стряхивают от приставшей к ним пыли на старом месте. На новом месте не разрешается делать этого, так как будто бы тогда же стряхивается счастье и добрые гении, покровители нового места.

Если спрашивали калмыков, почему они так часто кочуют и не сидят долго на одном месте, то они отвечали, что оставаться на одном месте долго нельзя, к людям привыкает местная нечистая сила и может причинить неисчислимы бедствия. Долго сидят на одном месте калмыки зимой. Поэтому с зимней стоянки они снимаются с особыми церемониями. Весь скот, кибитка и все члены семьи пропускаются между двумя кострами, причем на огонь сыплется соль. Получается довольно сильный треск от соли, который должен якобы подействовать очищающе. Такими мерами калмыки якобы очищаются от всяких скверн и всех тех невзгод, которые они испытали зимой. По их убеждению, вся нечисть остается на старом месте, и они сами выходят после этой процедуры «чистыми». При этом некоторые калмыки оставляют в очаге лепешку, чтобы нечистая сила сразу не бросилась за ними, а занялась кушаньем лепешки, и чтобы голодный скиталец нашел ее и покушал. Точно так же они заботились и о некотором удобстве остающейся нечистой силы. Так, в некоторых улусах делали и оставляли кукольные кровати, а некоторые еще и куклы (подобие человека). Вполне понятно, почему оставляют кровать, но не понятна роль «куклы». Может быть, здесь имеется в виду то, что нечистая сила будет забавляться ею, а возможно, что это есть обман, так как она (нечистая сила) может принять куклу за человека, следовательно, подумает,

что все осталось по-прежнему и никто не укоевал. Сами калмыки по этому поводу никаких объяснений не дают.

На новом месте строго соблюдался обычай — не резать животных. Кровь — вообще плохое предзнаменование. Предполагали, что на данном месте будут большие несчастья (падеж скота, смерть людей и т. д.). Поэтому калмыки, если им надо мяса, резали животных еще до кочевки.

Ни в коем случае не допускалось, чтобы после откочевки бывшая стоянка была сожжена. Смысл этого запрещения заключался в том, что пожаром уничтожается вообще все. В данном случае выходит, что от семьи не осталось и следа (вся она погибла). Вот почему люди, когда ссорились между собой, говорили: «Пусть на том месте, где ты сидел, будет пожар». Это было одним из жестоких проклятий.

Калмыцкая кибитка малоустойчива во время ветра. Очень часто она уносилась и разрушалась бурей. Во время бури она могла упасть различно. Форма ее падения была безразличной для суеверного калмыка. Он и здесь находил что-нибудь предвещающее. Кибитка могла упасть боком, но могла упасть и дымовым отверстием вниз, т. е. перевернуться на 180°. Последний случай имел для калмыка самую скверную примету. Часто при таком падении кибитки на бок приглашались зурхачи, чтобы они предотвратили надвигающуюся на владельца кибитки опасность. Калмыки, чтобы кого-нибудь посильнее обидеть, говорили: «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг». Они полагали, что подобный случай говорит за то, что сама природа против того, чтобы здесь был «очаг» (т. е. семья).

Весною, во время первого грома, калмыки берут чашку с арьяном или молоком и, обходя кибитку, обрызгивали ее, после этого на некоторое время чашку оставляли вниз дном над дверью. Эту процедуру они называли «Окропление арьяном кибитки». При этом читали молитву о благополучии семьи и скота. Калмыки были уверены, что гром может быть только весною, когда уже окончательно установится теплая погода. После грома, по убеждению калмыков, возврата к зиме не может быть. Судя по этому, можно думать, что они производили указанную процедуру, чтобы поблагодарить небо (дракона) за то, что оно извещает их об окончательной победе весны над тяжелой зимой, и приносят в жертву небу самый ценный продукт — молоко.

ГЛАВА II

ЖЕНЩИНА

Положение калмычки было не лучшим общего положения женщины Востока вообще. У калмыков было почти такое же отношение к женщинам, какое мы наблюдаем среди народов, исповедующих ислам. Если девушка пользовалась не только заботой и вниманием своих близких, но также встречала хорошее отношение и со стороны других, то по выходе замуж ее положение резко менялось к худшему. Будучи девушкой, она у родителей имела большие привилегии. При выходе замуж она сразу все это теряла, превращалась в рабыню своего мужа и его родителей и принуждена была тянуть лямку тяжелой домашней работы. Вечное недоедание, недосыпание, придирки свекрови и побои мужа были ее уделом. В старину у большинства мужчин-калмыков было такое отношение к женщине, что ее считали самым низшим существом среди людей. Женщина была самым бесправным существом в семье. С ней никто не считался, на нее никто не обращал внимания, с ней никто и никогда не советовался. Жена была как бы «собственностью» мужа. Он с ней мог сделать что угодно. Некоторые женщины не выдерживали побоев мужа, убегали от него. Доведенные до отчаяния своим положением, некоторые женщины уходили к своим родителям. Оставление женой своего мужа и ее уход к родителям осуждались всеми, даже самими женщинами, независимо от причины ухода.

Родители женщины тоже бывали недовольными и осуждали ее поступок. Уход женщины от мужа считался позором не только для нее, но также и для ее родных и родственников. Поэтому, зная, что не встретит никакого сочувствия у других, не всякая женщина решалась пойти на развод. Бракоразводные дела в калмыцкой степи вело духовенство. Получить согласие на развод от духовенства являлось делом величайшей трудности. Редко кто из пожелавших развестись женщин получали свободу. Сплошь и рядом, после неслыханных издевательств и глумлений, они возвращались обратно к мужьям. Развод совершал обычно лама.¹ Если он по той или иной причине мог окончить дело, то он это дело передавал местному бакше.² Последний совместно с другими высшими духовными лицами сначала увещал женщину вернуться к мужу добровольно. Если же она не соглашалась возвратиться обратно, и доводы, представ-

¹ Высшее духовное лицо в Калмыкии.

² Начальник местного улусного духовенства.

ленные ею, казались недостаточными, то ее били молодые гелюнги плетью и прутьями согласно распоряжению судьи — бакши. Когда же это не помогало и женщина все же настаивала на своем, несмотря на эти побои, то гелюнги-тираны поступали иначе. Упорно отказывающуюся женщину раздевали донага при всех присутствующих, в том числе и при самих «безбрачных», «святых» лиц духовенства. Волосы у нее распускались. На голову сыпали золу. Лицо, грудные железы и живот мазали сажей и выводили ее из кибитки во двор. После этого разводящую женщину заставляли бегать в таком виде вокруг хурула по направлению обратного движения солнца три раза.

Редкая женщина выдерживала подобные издевательства и доводила развод до конца. Большею частью она шла обратно к мужу, будучи не в состоянии вынести все это.

Если женщина выдерживала все это, то ее обычно отпускали с условием — не выходить замуж в продолжение известного времени, и родителей ее обязывали выплатить весь расход мужу, который был произведен при сватании и женитьбе на ней. Вполне понятно, что на такой развод шли только женщины, которые были доведены своим положением до отчаяния и искали единственный выход в нем, хотя они отлично знали, какие «прелести» и какое «милосердие» «святого» духовенства ждет их впереди.

Перед гражданской войной дело с разводом немного облегчилось. Бракоразводное дело главным образом кончалось возмещением всех тех расходов, которые понес муж во время сватания и свадьбы.

В старину у калмыков простые женщины не были наследницами. От имущества мужа им ничего не давалось. Все передавали вместе с детьми ближайшим родственникам мужа, если женщина уходила к своим родителям. Ее только одевали и давали немного денег на расходы. Женщина не имела права переходить дорогу мужчинам. Она, увидев идущего или едущего мужчину, должна была остановиться. Только, пропустив его, она должна была продолжать свой путь. Если женщина по той или иной причине переходила дорогу мужчине, не дождав-шись, пока он пройдет или проедет, то последний мог обругать ее. Чтобы не натолкнуться на неприятность, женщина, как бы она ни спешила, должна была ждать, пока мужчина пройдет. Этот обычай был обязателен для каждой женщины, даже если она была женой нойона или зайсанга, т. е. «благородной кости».

Женщины у калмыков, по существующему обычаю, не должны были показывать свою непокрытую голову старшим родственникам по линии мужа, а также снимать свою шапку и сапо-

ги в их кибитках. Воспрещали также им произносить имена не только живых, но даже давно умерших старых родственников по линии мужа: эти лица по отношению к женщинам приходились «хадым». Женщины не должны были входить в кибитку «хадым» без шапки и обуви. Если калмычка случайно покажет свою голову или ногу «хадымам», то она непременно должна была угостить его чаем или вином, причем должна была еще просить, чтобы ей простили ее оплошность. Лица, которые являлись по отношению к какой-нибудь женщине «хадымом», при своем приближении к ее кибитке давали о себе знать, чтобы она вовремя смогла принять все необходимые предосторожности.

Считалось, что несоблюдение норм «хадым» есть неуважение к этим лицам. Особенно тщательно соблюдались нормы и обычаи «хадым» по отношению к именам самых близких к мужу родственников, например, отца, матери, дедушки, бабушки, близких дядей, старших братьев его. Вследствие этого у калмычек вырабатывался свой особый язык — «табу». Калмычки не произносили имен своих мужей, равно как и мужья не произносили имен своих жен. Муж о жене говорил: «Одака» — «которая», «эта» или же «мана герин кун» — «наш домашний человек». Жена о муже говорила: «мана кун» — «наш человек», или «мана залу» — «наш муж», или же «одака». Причин, почему не произносили имен, калмыки не объясняли, говорили только, что стыдно, неловко, неприлично поступать по-другому. Калмычки не могли мыть и расчесывать голову в тот день, когда кто-нибудь уехал из семьи. Точно так же женщина не должна была мыть и расчесывать голову в послеобеденное время, особенно ночью. Если женщина в силу каких-либо условий была принуждена мыть или расчесывать голову в указанное время, то она должна была сказать при этом: «мою или расчесываю голову потому, что иду на «собачью свадьбу». В Большедербетовском улусе говорили: «иду на свадьбу такой-то старухи» (произносится имя какой-нибудь старухи в хотоне).

Считается величайшим грехом, если дерутся две женщины. В таком случае их разнимали раньше, не иначе как отрезав полы их халатов. После выхода замуж калмычка не скоро приезжала к родителям и родственникам, чтобы навестить их. По обычаю, женщина при посещении родителей и родственников должна была привозить всем им в подарок баранину, конфеты, крендели и другие угощения.

Количество и качество подарков, торжественность приезда и приема зависели от состояния и знатности как родителей калмычки, так и ее мужа. Если родители мужа ее — люди бога-

тые, то вместе с ней приезжали в гости еще люди, сопровождающие ее. В противном случае дело обходилось скромно: одним или двумя сопровождающими и без всякой торжественности и пышности. Родители и родственники калмычки, как ее самой, так и ее сопровождающих, смотря по своему состоянию, устраивали вечеринки, куда приглашались все соседи, как ближние, так и дальние.

После нескольких дней празднеств и угощений калмычка уезжала домой. Родители и родственники по своему имущественному состоянию делали подарки как своей дочери, так и сопровождающим ее, дарили дорогие меховые шубы, шелковые, шерстяные и суконные халаты и бешметы, лошадей, коров, верблюдов. Вообще давали ей все, что только возможно. При этом калмыки говорили, что нужно стараться, чтобы приезжая была довольна и не высказала никаких недовольств.

Менее состоятельные люди ограничивались дешевыми подарками: халаты, бешметы. Иногда давали приезжей корову или же мелкий скот. Для калмычки эти подарки имели большое значение. Если подарки хорошие, ценные, то отношение к ней родных и родственников мужа менялось: оно становилось хорошим и благожелательным. Особенно это заметно было со стороны свекрови — этой мучительницы своих снох в прошлом. Когда калмычка возвращалась от своих родителей и родственников, то приходили все соседи посмотреть, что привезла она от своих. Часто слух о богатом подарке был объектом разговоров всего улуса. Данная семья делалась центром внимания многих. Как же после этого не стать мягкими и более внимательными к снохе, которая поддержала престиж семьи и не заставила краснеть перед другими людьми.

Если калмычке приходилось бывать у своих родных и родственников до официального посещения, то она не должна входить в кибитку, а обязана сидеть у дверей снаружи ее до преподнесения ей свеже сваренного мяса и чая. Замужняя дочь не имела права входить в кибитку своих родителей, родственников по отцовской линии после того, как кто-нибудь умер у них.

Итак, как тяжела, а временами даже невыносима была жизнь калмычки. Эта тяжелая жизнь продолжалась во многих местах до середины 20-х гг.

ДЕТИ

Калмыки сильно любят детей. Ради детей они готовы сделать все, что угодно, и терпеть какие угодно лишения. Особенно чутко относятся к своим детям женщины-калмычки.

По калмыцкому обычаю, после смерти мужа жена должна была выйти вторично замуж за другого члена семьи мужа, обычно за брата мужа, ибо она принадлежит целому роду, т. е. практиковался левират.

У женщин были возможности не подчиниться этому обычаю. Правда, это требовало от нее немало самоотверженности, решимости и было связано с тяжелыми испытаниями. Все-таки возможности обхода этого обычая были, но они использовались женщинами редко.

Несмотря на это, многие женщины-калмычки этих возможностей не использовали, зачастую связывая свою судьбу с человеком, не подходящим ей ни по духовным качествам, ни по физическим.

Они терпели этот обычай исключительно из-за детей.

Калмыки редко наказывают детей, особенно девочек. Они стараются по силе возможности поставить детей в лучшие условия. Терпеливо относятся к их капризам. Никогда ни один калмык не может не уделить несколько копеек, чтобы купить детям конфеты, семечки или что-нибудь другое. Ни один человек, кто бы ни был он, пустым не возвратится из лавки, обязательство принесет подарки детям.

Калмыки берегут детей тщательно. Отсутствие детей считалось у них большим наказанием. Семьи, не имеющие детей, считались грешными. Отсутствие детей грозило прекращением данной фамилии.

Рождение детей — большое событие в семье и вместе с тем это — необыкновенная радость для родителей и их ближайших родственников, особенно если ребенок мужского пола. Если родится мальчик, то одна из присутствующих женщин выходила из кибитки и во всеулышание объявляла три раза, что у такого-то калмыка (называет имя) родился мальчик. У всех мужчин, в том числе и у отца, которые придут после рождения ребенка, снимали шапки. За шапку мужчины платили выкуп, который шел в пользу женщин, присутствовавших при родах. Через несколько дней отпадет пуповина, родители ребенка приглашали своих соседей и устраивали угощение. При этом богатые люди резали барана. Приглашался иногда и зурхачи (астролог), который читал молитвы, предсказывал судьбу ребенка, указывал, что грозит ему, чего он должен остерегаться, давал ему имя согласно священному писанию, и т. д.

Гости дарили ребенку серебряные монеты с наилучшими пожеланиями, материю на рубашку и т. д., а состоятельные родственники дарили новорожденному ягненка, теленка, жеребенка и т. д. Если новорожденный — мальчик, то обязательно

варили заднюю ножку барана. После того, как сварится мясо, отделяли большеберцовую кость. Она тщательно очищалась от мяса и пряталась родителями в сундук. Она считалась принадлежащей данному мальчику. Эта кость хранилась долго, пока ее не потеряют случайно во время постоянных кочевков.

Рождение двойни у калмыков было явлением из ряда вон выходящим. Оно сопровождалось большими угощениями. Состоятельные люди при таких случаях резали сразу двух баранов: одного в правой стороне кибитки, а другого — в левой. Если рождение двойни повторялось подряд три раза мальчиками, это считалось явлением необычайным, имеющим какое-то особенное значение. Полагали, что это слишком большое счастье.

Лица, у которых дети часто умирали, предпринимали кое-какие меры по охране своих детей. Иногда родители приглашали восприемниками своего ребенка людей другой национальности, главным образом русских. Этим, по-видимому, хотели обмануть «нечистые» силы, которые подумают, что ребенок родился не у калмыка, а у русского.

Восприемницей ребенку калмыки обычно приглашали многодетную женщину, у которой дети живы. Калмыки считали, что такая женщина способствует благополучию ребенка и появлению других детей у данной семьи.

Некоторые калмыки окутывали ребенка одеждой, принадлежащей какому-нибудь ребенку из многодетной семьи, если все дети этой семьи были здоровыми, крепкими.

Иногда калмыки тут же после перевязывания пуповины ребенку завертывали его в пеленку и опускали в котел. Котел стоит на тагане и под ним разводят огонь. Продержав ребенка немного и повернув его там несколько раз до нагревания котла, вынимают из котла. По-видимому, поскольку эта процедура связана с огнем, можно предположить, что она делалась из желания изгнать «нечистые силы», которые уже могли успеть окружить ребенка.

Что касается самого котла, то он после такой процедуры делался не безразличным для семьи. К нему относились с большими предосторожностями, ибо всякое повреждение его могло повлиять, по мнению калмыков, на здоровье самого ребенка. Между прочим, такой котел редко давали посторонним для пользования. Если иногда и давали его соседям, то ни под каким видом не оставляли его на ночь.

Родители, у которых умирали дети, при каждом новом рождении ребенка непременно приглашали зурхачей, которые делали кое-какие указания. Одним из них, который широко

применялся зурхачами — это были запреты (цер). В силу этих запретов никого из посторонних не пускали в кибитку, где находится новорожденный сроком от 3 и более дней. Некоторые родители не пускали только лиц, прибывших издалека, из мест, где было большое скопление народа, или тех, которых постигло какое-нибудь несчастье, и т. д. Такое отношение к посторонним объясняется тем, что они могли занести болезни. Кроме того, постоянные хождения людей в кибитку могут простудить ребенка. Некоторые калмыки тщательно скрывали сам факт рождения ребенка. На расспросы они отвечали неохотно. Также они не отвечали прямо на вопросы: кто родился? мальчик или же девочка? Если новорожденный — мальчик, то отвечали так: «Мы поймали одну плохую собаку». Если новорожденный ребенок — девочка, то говорили: «Поймали бочку вина». Делалось это для того, чтобы об этом не узнали «нечистые силы», которые, услышав о рождении ребенка, могут повредить ему.

Семьи, у которых умирали дети, еще держали кур или петухов. Существовало поверье, «что нечистые силы» не любят петухов и потому избегают места, где они имеются. Что касается кур, то их плодovitость передается хозяйке дома и вместе с тем они способствуют якобы долгой и благополучной жизни ребенка. Многие родители наряжали мальчиков в костюм девочки, а девочек в костюм женщин. Таким путем калмыки предполагали, что они обманут «нечистые силы», которые не смогут разобраться, в чем тут дело, и не принесут «вреда» детям.

НАРЕЧЕНИЕ ИМЕНИ

Мальчикам иногда давали женские имена. Что касается вообще имен, даваемых детям, то здесь существовал следующий обычай: некоторым детям имена давали приглашенные зурхачи согласно своим «священным книгам». Но большей частью имена давали родители, а если были живы бабушка или дедушка или же оба они, то ребенку давали имя с их общего согласия. Вероятнее всего предположить, что новорожденным давались имена из того обширного запаса народных прозвищ, в числе которых были названия рек, птиц, зверей и домашних животных.

Чтобы дети не умирали и чтобы сохранить их от «нечистых сил», надевали им как на шею, а иногда и на кисти рук и ног амулет — «бу», который обыкновенно готовили гелюнки. Многие родители для сохранения своих детей посвящали их в манджики (первый духовный сан). Существовало поверье, что лица, посвященные в духовенство, гарантированы от преждевременной смерти. Воспрещалось шить детям одежду из меха хищных

животных (хорек, лисица и т. д.). Точно так же нельзя им было шить что-нибудь и из меха сосунков (молодняка). Калмыки сами давали по ним следующие объяснения. Из меха сосунков нельзя носить ребенку оттого, что грешно носить что-нибудь из кожи существа такого же юного, как сам ребенок, а мех хищных зверей нельзя использовать оттого, что эти животные будут всегда направлять на ребенка свои острые зубы, что повлечет за собой несчастье.

О ПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Калмыки с самого первого дня рождения ребенка давали ему сосать кусочек жира, а если заметят, что у ребенка запор, то давали ему масло, суп. Почему-то калмыки были уверены, что они как скотоводы привыкли к мясной пище и поэтому дети тоже должны с самого дня своего рождения усваивать эту пищу. Когда мы доказывали калмыкам весь вред, который они приносят детям, питая их таким образом, они, как один, отвечали: «Нашим детям ничего плохого от этого не будет, а, наоборот, от мясной пищи и масла будет только польза, ибо подобная пища вошла у них в кровь и плоть». Подобная практика питания младенца являлась одной из основных причин высокой детской смертности в калмыцкой степи в прошлом. Главным образом дети умирали в первые годы от заболевания желудочно-кишечного тракта. Еще нежный желудок ребенка от такой жирной пищи всегда бывал в расстройстве и не в состоянии был переварить трудно усваиваемое иногда даже взрослыми людьми питание. Вместо того, чтобы запоры лечить лекарствами, калмыки прибегали к губительным для детей средствам, как жирный бульон, масло (топленое). Малейшее заболевание детей, какого бы оно характера не имело, чаще всего лечилось крепким супом или водой. Часто там, где нужна была диета строгая, давали масло или бульон, а там, где нужно было ребенка подкармливать соответствующей удобоваримой пищей, давали только одну воду не только самому ребенку, но и его матери, как они говорили, чтобы молоко ее было более жидким, следовательно, оно уже легче усваивалось ребенком.

КАЛМЫЧКА-ДЕВУШКА

Рождение девочки большой радости родителям не приносило, несмотря на то, что калмыки вообще любят детей.

«Дочь — не наследница». В этих словах содержалась одна из главных причин такого отношения к девочке. Она — временный член семьи. Девочка, достигнув известного возраста, покидает родителей, своих близких и выходит замуж.

Сын является кормильцем и поддержкой родителей. Тот, у кого не было сыновей и которого, следовательно, по этой причине не мог бы хоронить сын, считался самым несчастным человеком.

Лица, у которых умерли сыновья, калмыки называли «му заята» — «проклятые судьбой». К таким людям относились с некоторым презрением. Сын является продолжателем рода. Калмыки говорили: «нер дуудулх» — «прославить свое имя». Сын должен приумножить славу своей родины и ее могущество. Вот почему рождение мальчика являлось величайшей радостью не только родителей, но даже для всего рода в целом. Счастливых родителей все поздравляли с рождением сына.

Калмыки считали, что неприлично мужчине хвалить свою жену. Они говорили, что только глупый мужчина может хвалить свою жену. Но не возбранялось говорить хвалебно о своих дочерях. Тяжела была участь девочки, но не легче была и участь самой женщины, родившей ее. У калмыков женщина, родившая девочку, не пользовалась почетом. В семье на нее сваливали самые тяжелые виды работы. На нее мало обращали внимания. Плохо кормили, плохо обращались. Днем и ночью свекровь не давала покоя, досаждала ее злым языком.

Рождение сына сразу же изменяло положение женщины в калмыцкой семье, улучшалось отношение к ней, больше уделялось внимания ей и пр. Со временем жизнь девочки в семье становилась вполне сносной. Когда девочка достигала 3—4 лет, отношение родителей к ней резко менялось к лучшему. Чем дальше, тем больше уже обращали на нее внимания. Менялось к лучшему отношение всех окружающих ее. Как объяснить такую перемену? Сами калмыки объясняют эту перемену следующими мотивами: «Никто не видел, кто даст нам счастье — сын или дочь», «Лучше иметь хорошую дочь, чем плохого сына», «Хоть и девочка, пусть живет» и т. д. Имелось в виду здесь то, что сын мог быть беспутным, картежником, пьяницей, непочтительным к родителям, чего никогда не допустит ни одна девушка. Кроме того, эту перемену они объясняли еще и тем, что им было жалко девочку, так как в будущем, когда она выйдет замуж, ее ждет тяжелая жизнь в чужой семье, поэтому пусть пока она поживет у себя получше, без печали и нужды, окруженная вниманием своих близких.

Калмычка-девучка пользовалась особым вниманием в семье. Ей в кибитке родителей отводили самое почетное место под бурханами (иконами), в переднем углу кибитки между «баран» и кроватью хозяина кибитки. Здесь находилась и ее постель. Она могла иметь даже свою кровать, тогда как ее неженатые

братья, живущие в кибитке родителей, могли спать на кошме.

У калмыков девушка считалась самым чистым и невинным существом.

С самого раннего возраста, почти с 5—6 лет, девочку одевали в самое лучшее. Считалось неприличным, если девушка была одета небрежно, как попало. Не допускалось, чтобы она ходила босиком. Девушка должна была быть аккуратной и прилично одетой. Она не должна быть неряхой и неопрятной; неопрятную девушку будут осуждать все. Одежда девушки несложна. Обычно она носила панталоны из нанки или какой-нибудь другой тонкой бумажной материи, рубашку из бязи со стоячим воротником, застегивающуюся костяными или стеклянными пуговицами, причем рубашка должна была быть глухой с вырезом для головы, чтобы можно было надеть ее. Сверх рубашки носили камзол. На него одевали бешмет, большей частью из ситца, летом — «бизе» (бешмет с разрезанными снизу рукавами) и, наконец, «берзе» — парадное одеяние, обычно из шелковой или полушелковой материи. Зимой девушки поверх этого носили шубу. На голове носили шапку из каракуля, отороченную мехом или без него. Парадной шапкой ее были головные уборы — «булгн», «халвнг» и др. «Булган» шили из выдры, позументов, парчи, с четырьмя углами, на которые пришивали мелкие серебряные монеты. Верх ее был плоский и вышит особыми нитками из шелковой или полушелковой материи. «Халвнг» такого же фасона и формы, но выдра заменялась вышивкой из золота. Обувь девушки носили из красного сафьяна. В 20—30 гг. они стали носить большей частью обычные женские ботинки и туфли. Носили пояс, сшитый из материи, застегивающийся туго на пуговицах. К поясу пришивали много серебряных монет, которые при ходьбе звонко гремели в такт шагу. Некоторые девушки носили серебряный пояс.

Из украшений девушки носили на пальцах кольца простые, медные, бронзовые, из польского или из чистого серебра, реже золотые. В ушах носили серьги тоже из так называемого польского или из настоящего серебра.

Девушке нельзя было находиться в женской части кибитки, т. е. с левой ее стороны. Это считалось неприличным и недостойным для девушки.

Девушку воспитывала исключительно мать. Отец в воспитание ее не вмешивался. Он не мог сказать ни одного сурового или грубого слова, не говоря уже о том, что он не мог ее наказывать, бить и т. д. Точно так же этого не могли делать ни родственники, ни братья и вообще никто из калмыков-мужчин, кем бы он ни был. Никто из мужчин не имел права отзываться плохо

о девушке и тем более ругать ее. Подобное явление у калмыков считалось верхом неприличия и таких лиц в обществе жестоко осуждали. Точно так же никто из мужчин не мог произнести неприличные слова в присутствии девушки. Калмыки даже в мыслях не допускали, что можно сказать или сделать что-либо дурное девушке. Они называли девушку «ребенком» (т. е. она — чистая и невинная, как ребенок) и сравнивали ее «с хрящом» (в смысле — чистая, невинная, хрупкая и поэтому нужно отнестись бережно).

Что касается отношения братьев к сестрам у калмыков, то они относятся к ним в высшей степени вежливо, корректно, всегда являясь их защитниками и помощниками. Они стараются по силе возможности делать им все приятное. Если они уезжают куда-нибудь, то никогда они не приедут без подарков для сестры. Не менее хорошо относятся к девушкам дедушка и бабушка и двоюродные братья по матери. Они принимали все меры, чтобы девушки были всегда довольны ими. По мнению калмыков, всякое недовольство со стороны девушек неблагоприятно отражается на их благополучии. В 20—30 гг. девушки-калмычки по природе своей были очень стеснительны. Они стеснялись даже есть в присутствии посторонних. По мнению калмыков тех лет девушки должны были есть как можно меньше, чтобы не быть толстыми, вместе с тем сохранить талию. Пояс у них должен быть всегда туго стянутым. Девушки должны быть изящны, тонки, с подобранным животом. Чем тоньше талия у них, тем больше они удовлетворяли эстетическому чувству калмыков. Отсюда ясно, что ни одной девушке не хотелось быть толстой, неизящной. Это обстоятельство тоже являлось одной из главных причин того, что калмычки мало ели, когда даже была в семье возможность питаться хорошо. Подобный взгляд на питание и на «изящество» вредно сказывался на здоровье девушки-калмычки. В семье девушка была первой помощницей матери в ее кропотливой и тяжелой работе. Недаром калмыки говорили: «Если в семье есть первенец — мальчик, то он — помощник отцу, а если девочка — то помощница матери». Действительно, девушка всегда помогала своей матери, насколько позволяли ей силы. Но мать-калмычка старалась, чтобы ее дочь много не работала, чтобы она не выполняла тяжелую работу. К этому стремились также и другие члены семьи. Старались дать девушке чистую работу, главным образом швейную. Девушка, владевшая швейным искусством, высоко ценилась у калмыков. Умение ее и талант отмечались всеми. Молодые люди из соседних хотонов наперебой обращались к ней с заказами. Каждому хотелось носить хорошо сшитое платье, главным образом беш-

мет. При сватании девушки большое внимание обращалось на способность ее к швейной работе, рукоделию и пр.

Приличие требовало, чтобы девушка ложилась спать позже и просыпалась раньше других. Кроме того, ей приходилось спать одетой, обутой, т. к. в общей кибитке она не была застрахованной, что кто-нибудь мог застать ее раздетой или мог нагрять какой-нибудь ранний гость, или даже члены своей семьи — мужчины. Она старалась спать со своей подругой в той кибитке, где бывает мало народу.

Девушке не позволялось допускать «вольности» с посторонними мужчинами. Она должна была быть далека от всего этого, чтобы не уронить свою девичью честь и честь своих родных. Она не смела ссориться с кем бы то ни было, тем более ругаться, вмешиваться в разговоры старших. Во всем она должна была быть искренней, скромной и почтительной. Когда калмыки хотят сказать о примерном поведении кого-нибудь, то говорили: «Он ведет себя, как девушка-невеста». Этой фразы уже было достаточно, чтобы иметь представление об этом человеке.

Половая распущенность дочери для семьи считалась несмыслимым позором. Все могли говорить и издеваться не только над девушкой, допустившей это, но и над всеми ее родственниками. Это было такое грязное пятно, по убеждению калмыков, что никто на свете не сможет смыть его.

Но нет правил без исключения. В жизни бывают единичные случаи «греха» у какой-либо девушки. Если последняя при выходе замуж оказывалась беременной раньше положенного срока, то получался большой скандал. Муж и его родители отказывались от такой снохи.

Трагичной была участь девушки, допустившей такой «грех». Она обречена была на долгое одиночество, если не сумеет найти себе другого мужа. Родные и родственники обычно отворачивались от такой девушки. Примирение могло произойти только спустя много лет.

СВАТОВСТВО

Как только девушка достигала определенного возраста, то ее уже начинали сватать. Некоторые калмыки еще задолго до рождения детей могли их заранее женить на ком-либо. Обычно так поступали отцы-друзья. Такие взаимные соглашения бывали даже тогда, когда и помину о детях нет ни у одной из договаривающихся сторон. Обычно такие «договоры» большей частью нарушались. Причинами являлись главным образом состояние здоровья того или иного ребенка, изменение имущественного положения родителей. Если один из родителей за это время

обеднел или разбогател, то вполне понятно, что другая сторона не могла уже быть парой невесте или жениху. Категорически воспрещалось сватать родственницу по мужской линии, хотя бы это родство было самое отдаленное, так как такая «невеста» являлась, по мнению калмыков, «своей кровью» и «своим мясом», как говорили они.

Нельзя было также сватать девушку родственникам по материнской линии. Существовало поверье, что у лиц, женившихся на таких «родственниках», не будет чего-либо, что можно привязывать во дворе, т. е. не будет скота, будут они вечно бедными. Сватать дальних родственников по линии матери сыновья могли. Это даже считалось хорошим предзнаменованием. Такие лица, по мнению калмыков, должны были благодарствовать всю свою жизнь.

При подборе невесты самое строгое внимание обращалось на состояние ее здоровья и здоровье ее родителей, не страдают ли кто-либо из родителей болезнями, передающимися по наследству.

Сватание начиналось в некоторых случаях, особенно у состоятельных лиц, чуть ли не с 7—8-летнего возраста. Вообще у калмыков в описываемое время женились и выходили замуж очень рано. Мы знаем случаи вступления в брак малолетних, когда возраст брачующихся не превышал 15—16 лет.

Что касается разницы в годах брачующихся, то она бывала от одного до 10 лет, редко немного больше. Обычно разница колебалась в пределах 1—6 лет. Но никогда не бывало, чтобы она была больше в несколько раз.

Еще одной особенностью брака у калмыков было то, что невеста всегда была моложе жениха (редкие исключения, когда она бывала старше жениха на 1—2 года).

Чем же объяснялась причина таких ранних браков у калмыков? Во-первых, искали работницу, а во-вторых, у калмыков существовало мнение, что девушка уже достигла определенного возраста и зрелости. И поэтому родители старались поскорее выдать замуж взрослую девушку, пока она чиста и невинна.

В-третьих, заветной мечтой каждого калмыка была — женить своих сыновей как можно скорее, следовательно, можно увеличить число кибиток и получить еще добавочную рабочую силу — сноху.

Многие калмыки рано женили сыновей и выдавали своих дочерей замуж так же потому, чтобы своевременно устроить их жизнь соответствующим образом.

Жениться калмыку было нелегко. Женитьба сопряжена была с большими расходами, которые часто не под силу было

преодолеть бедняку. Нужны были значительные средства, чтобы сосватать, а затем жениться. Но несмотря на все это, неженатых и незамужних лиц среди калмыков почти не встречалось, за исключением людей с физическими или умственными недостатками, или отъявленных пьяниц и картежников.

Одиноким бедным мужчиной, сосватав чью-нибудь дочь, большей частью переезжал в ее семью и там становился «кюргэном», если у родителей ее не было сыновей. Такая женитьба, конечно, никаких расходов не требовала. Многие бедные калмыки для обоюдного облегчения бремени свадьбы упрощали и удешевляли церемонию сватания.

Долго тянулось у калмыков время от начала сватания до свадьбы. Промежуток между ними доходил от одного до двух, иногда и до пяти лет. Очень часто богатые и состоятельные люди сватали за своих сыновей чуть ли не с 5—6 лет. Кончалось это сватовство к 16—18 годам. За это время, по существовавшему обычаю, жених или его родители или родственники должны были через каждые 3 месяца (по временам года) приезжать с угощениями к родителям невесты. Помимо этого жених сам лично должен был приезжать после двух больших праздников «Зула» — (Новый год) и «Цаган-сар» (Белый месяц). Каждый раз он должен был приезжать с угощением.

Таким образом, выходило, что со стороны жениха должны были приезжать не меньше, чем 3 раза в год. Конечно, число посещений родителей жениха было гораздо больше. Всякий раз по тому или иному случаю посылался человек провести родителей невесты.

От подобных «посещений» маломощное хозяйство приходило часто в упадок. Еще больший ущерб несло и хозяйство родителей невесты. У калмыков по этому поводу бытовала пословица: «Семья, которая женила троих сыновей, богатеет, а семья, которая выдала трех дочерей, разоряется». Казалось бы, что должно было улучшаться имущественное положение того, кто получает, а не того, кто выдает. Между тем здесь происходит как раз наоборот. Почему? Нам станет это понятно, если мы примем во внимание весь процесс сватания и свадьбы. Хозяйство жениха приходит в упадок главным образом от тех угощений, которые даются родителям невесты. Родители же невесты тоже терпят убытки от подарков, приданого и расходов на свадьбу дочери.

Когда же мы задавали калмыкам вопрос, почему свадьба так затягивалась, то они обычно отвечали, что таковы традиции, таковы обычаи, сохранившиеся от предков, их они не могут нарушить. Кроме того, часто можно было услышать от родите-

лей невесты: «Как мы можем без свадьбы отдать свою дочь, словно она беспризорная, не выпив арьки и не сделав угощения на свадьбе ее?»

Процесс сватовства протекал так: родители жениха сперва собирали окольным путем сведения о той девушке, которую они выбрали для своего сына в невесты, и потом уже они обращались к зурхачи (астрологу). Последний выяснял по своей священной книге, подходит ли данная девушка по возрасту и по другим признакам к сыну данных родителей. Если зурхачи давал утвердительный ответ, то родители в «счастливый день» снаряжали кого-нибудь из близких мужчин или хорошего знакомого сватать невесту, если отец жениха не мог по той или иной причине поехать лично. Посылаемый человек брал с собой бутылку водки или калмыцкой арьки и отправлялся к родителям выбранной девушки. Он, входя в кибитку, вынимал из кармана бутылку со спиртным напитком и ставил ее по левую сторону кибитки, около «цаха» (шест, который поддерживает полку для посуды). Потом он здоровался со всеми присутствующими и усаживался с правой стороны кибитки. Если этот человек — незнакомый или же лицо уважаемое, то ему подстилали «ширдык» (кошму). Тот, кто был помоложе в кибитке, брал трубку у прибывшего и раскуривал ее ему. Тут же варили чай. Если родители невесты не знали, почему приехал этот человек с арькой и кто он такой, то гостю задавали вопросы для выяснения причин его приезда и подарка. Гость давал объяснение так: «Мы слышали, что у вас есть девушка, которая должна стать человеком, а у нас имеется юноша, который тоже «должен стать человеком». Кроме того, хотим найти для своего юноши опору у вас». Последняя фраза обычно употребляется из тактических соображений.

По бытовавшему мнению калмыков, человек только после свадьбы становится взрослым, независимо от пола. Про холостых юношей и незамужних девушек говорили: «Кун болх ковун или кукун — мальчик или девочка, который (ая) должен (на) стать человеком», или «кун болад уга» — еще не стал «человеком». Когда кто-нибудь женился или выходил замуж, то о нем часто говорили «кун болва» — «человеком стал». Если кто-нибудь долго не женился, то говорили про такого человека, что он старится мальчиком.

Если жених был подходящим, то родители невесты распиливали принесенную гостем арьку и очень вежливо обходились с ним. Конечно, никто не спрашивал согласия девушки, точно так же и юноши. Никто не считался с их мнением и желанием. Кроме того, ни одна девушка, ни один юноша не осмеливались

высказать свой взгляд на это дело. Если бывал такой казус, то это считалось неприличием, о котором говорили все от мала до велика. Такие юноши считались совершенно испорченными.

Если кандидат — нежелательный, и родители знали причину посещения гостя, то на него не обращали никакого внимания и даже не раскуривали ему обычную трубку и не угощали чаем, а предлагали ему уйти со своим подарком. Когда гость не брал своего подарка обратно, то его выбрасывали. Иногда по этому поводу наблюдались довольно комические сцены. Родители невесты или родственники ее выбрасывали подарок, а выгоняемый снова вносил его. Подобная процедура продолжалась иногда часами. Бывали случаи, когда гость достигал своей цели исключительно благодаря своему упорству. Но чаще всего водку в конце концов распивали или же, доведенный до отчаяния упорством и нежеланием родителей невесты принять подарок, гость сам выпивал свою водку и уезжал восвояси. Иногда обиженное лицо возбуждало против родителей невесты через своих знакомых ложное уголовное дело, выставляя ложных свидетелей. Подобные случаи наблюдались в степи, причем ни в чем не повинный человек осуждался на много лет в тюрьму. Если же не возбуждалось уголовное дело, то обиженные старались нанести материальный ущерб, угоняли или воровали скот.

Когда «первая арька» была выпита, то без всякого промедления посылалась «вторая арька». Со второй арькой обычно ездили два человека с двумя бутылками или ведрами водки или арьки. Если имелись соперники, то родители жениха спешили. В один и тот же день посылали «первую» арьку и «вторую» арьку, чтобы закрепить за собой позиции. Спустя некоторое время приблизительно от одной до нескольких недель, смотря по обстоятельствам, родители жениха посылали «третью» арьку. Она состояла из нескольких четвертей или ведер водки или арьки. Количество сосудов со спиртными напитками и подарков на этот раз равнялось «3» («Һурвн сав» — «три сосуда»). Обычно третьим подарком были вложенные в большую сумку калмыцкий чай, баранина, конфеты, крендели. Конфеты клали в большой ситцевый платок. В платок завязывали еще клей и серебряный двухгривенник. Двадцать копеек означало долгую счастливую жизнь, не меньшую, чем семьдесят (калмыки рубль делят на 350 частей). По этому счету двадцать копеек соответствует семидесяти). Для калмыков семьдесят лет считалось глубокой старостью. Клей приносился как знак твердого и нерушимого закрепления родства будущей семьи молодых. Во время «третьей арьки» обе стороны договаривались, как у них будет протекать в дальнейшем сватовство. Родители невесты

выставляли свои условия, т. е. сколько они желают получить в подарок за дочь. Родители жениха намечали, когда они могут «получить невесту». Гостям «третьей арьки» родители невесты делают подарки. Дарят шубу, халаты. Третья арька называется «уге-авху» — «взять слово» (сговор, наречение невесты).

Четвертый официальный приход гостей со стороны жениха бывал спустя несколько месяцев, а иногда через год после «третьей арьки». Этот период называется «күүргн узүгдх» — «показывать жениха». На этот раз в числе гостей должен быть непременно жених. Гости бывало, смотря по состоянию жениха, от 6 до 12 и более человек. В числе их были еще одна или две женщины, обычно мать или сноха жениха. Подарки бывали обильнее, чем при «үгү авху». Качество и количество подарков находилось в прямой зависимости от материального состояния как жениха, так и родителей невесты. Спиртные напитки привозились ведрами, водка ящиками, «арза» (вторичная перегонка «тепленького», смешанного с кислым молоком), чай кирпичный, много кренделей, конфет, баранины или мясо целыми тушами в сыром и сваренном виде.

Когда гости приезжали, то обычно они останавливались от кибитки родителей невесты шагов за 40—50, потом, за исключением старшего и женщин, вносили привезенные подарки, входя в кибитку по старшинству. Каждый входящий ставил принесенный подарок с левой стороны кибитки на ширдыке. Женщины усаживались с левой стороны вместе с хозяйкой дома. Хозяева угощали гостей чаем. После чаепития гости уходили из кибитки. Если им отведена специальная кибитка, то они идут туда и устраиваются там. Спустя некоторое время несколько человек заходят к гостям со сваренным калмыцким чаем и спиртными напитками. Этот приход со стороны невесты к гостям назывался «хош еряху» — произносить благопожелания посещению гостей. Гости совместно с пришедшими выпивали все принесенное. В это время хозяева приглашали всех своих родственников и знакомых и начиналась вечеринка у невесты.

К вечеру со всех сторон стекались гости на свадьбу, угощались ужином и спиртными напитками. После этого начиналось чиршество и вечеринка.

Гости сидят по-прежнему на правой стороне кибитки. Знакомые и родственники хозяина кибитки где пожелают. Что касается невесты, то она усаживалась вместе с подругами на кровати своих родителей, причем подруги сажают ее к самой решетке кибитки, чтобы она не была на виду у гостей. Домбристки усаживались впереди девушек. Для танцующих отводилось место. Танцы начинал кто-нибудь со стороны родителей невесты.

Потанцевав, он подходил к кому-нибудь из гостей и, чуть согнув правое колено, прикладывал правую руку к правому плечу того лица, которого он приглашал к танцу. Тот вставал и начинал танцевать, затем он прикладывал руку кому-нибудь из присутствующих со стороны невесты. Одновременно два человека, держа в руках чашки со спиртными напитками, начинали песню. Выбор песни представлялся поющим. Обычно они выбирали ее «по человеку», т. е. согласуясь с его общественным, имущественным и социальным положением. Если песня предназначена родителям и родственникам, то в песне воспевалось чувство и привязанность родителей, детей и родственников. Окончив песню, певцы подносили свои чашки тем лицам, которым они пели. Они обычно произносили благопожелания и отдавали чашку обратно. Песня продолжалась до тех пор, пока не возвращали обратно чашку. Если данное лицо вовремя не возвращало чашку, то певцы песню повторяли. Лица, которым поднесли вино (или водку), клали обычно в пустую чашку серебряные монеты, бумажные деньги или даже золотые монеты. Если песню исполняла невеста или жених, или кто-нибудь другой, то это считалось выражением самого высокого уважения к гостям. Чтобы поднять настроение поющих и чтобы пели смелее и лучше, обычно выкрикивали слова одобрения. То же самое делали и по отношению к танцующим.

Женщины и девушки обязательно должны были что-нибудь утащить незаметно у гостей. Обычно брали узду или что-нибудь другое и возвращали его за выкуп.

Гости не должны были затевать драку и ссоры. Они должны были быть терпеливыми ко всему. Если даже кто-нибудь ударял их со стороны соседей или родственников невесты, то они должны были молчать и перенести это и стараться не доводить дело до недоразумения.

На другой день гости уезжали. Родители невесты делали им подарки в виде халатов, шуб, платков и т. д., при этом лучший подарок получал жених.

За вещи, взятые женщинами и девушками, жених платил определенную сумму, смотря по своему имущественному состоянию. Эти деньги шли исключительно в пользу девушек и женщин, которые тратили их на угощение.

Когда гости возвращались домой, то приходили все соседи. Все интересовались подарками от родителей невесты и вечеринкой. Если подарки были хорошие, то об этом говорили долго и всюду. Так кончался четвертый официальный приезд гостей со стороны жениха.

Необходимо сказать несколько слов о том, что делали кал-

мыки, когда умирал кто-либо из сосватанных лиц. Если неожиданно умрет невеста после четвертого визита, то похороны и панихиды ей производили родители и родственники как невесты, так и жениха. Точно так же родители жениха принимали деятельное участие в лечении невесты. Расходы покрывались обеими сторонами поровну. В случае смерти жениха родители невесты не участвовали ни в похоронах и ни в расходах. Если невеста умрет после пятого визита, то все расходы на ее похороны брали на себя исключительно родители жениха, так как она считалась уже членом их семьи.

Что же бывает с невестой, если умирал жених? Родители жениха большей частью выставляли другого кандидата, не считаясь иногда с его возрастом. Главным кандидатом в женихи, в первую очередь, являлся брат покойного, а потом дальние родственники по мужской линии. Если кандидат малолетний, то невеста должна была ждать его до совершеннолетия. Такой малолетний кандидат большей частью выставлялся с целью заставить родителей невесты возместить расходы, произведенные ими во время четвертого визита. Родители невесты за редким исключением возвращали все взятое и тем самым освобождали дочь от этих уз.

После четвертого визита, если обе стороны, т. е. как родители жениха, так и невесты бедны, то они обычно со свадьбой не затягивают. После «третьей арьки», а иногда после «четвертой» они негласно, по обоюдному согласию совершали «умыкание» невесты. Родители невесты обычно в условленный день посылали ее за чем-нибудь в ту сторону, где поджидали ее товарищи жениха, которые, схватив невесту, быстро скрывались. Умыкание иногда происходило и без ведома родителей, но с «согласия» невесты. Невесту с женихом на первое время, пока все это уладится, отправляли на несколько дней в такие места, где ее нельзя было обнаружить. В конце концов это дело кончалось миром, и родители невесты подчинялись совершившемуся факту.

Случаи, когда жених увозил выбранную им девушку без ее согласия и согласия ближайших родственников, наблюдались очень редко. К такому «умыканию» прибегали в крайнем случае, когда жених по той или иной причине не в состоянии был ждать, или же по бедности не мог выполнить все процедуры сватания, а родители невесты не считались с положением жениха. Еще реже бывали умыкания «чужой» девушки, т. е. сосватанной за другого. Подобные умыкания были единичны и всегда сопровождались судебными процессами.

После четвертого визита бывал и пятый. Пятый визит

делался в зависимости от времени свадьбы. Если до свадьбы времени недостаточно, то он оставлялся на неопределенный срок. Если же свадьба близка, то старались поскорее сделать ее. Пятый визит называется «хулд өкхү» — «давать товар», «покупку». На «хулд өкхү» приезжало человек 5—7, а иногда и больше. В числе гостей непременно должна быть одна или две женщины. Угощения привозились почти те же, что и при четвертом визите, но в меньшем количестве. На «хулд өккү» привозились некоторые вещи со стороны жениха, которыми должны были пользоваться молодые впоследствии: сундук, сукно для подушки, ковры для приготовления сумок, необходимых для хранения шуб, арканов, кож и прочих предметов домашнего обихода. На «хулд өкхү» больших вечеринок не устраивали. Вся обстановка была деловая; приглашались соседи-старухи, которые вместе с хозяйкой кибитки и приезжей гостьей кроили и шили приданое невесте, в общем делали предварительные наметки на все те вещи, которые шли на приданое. К этим вещам покупалось много других предметов и украшений, необходимых в условиях кочевой жизни калмыков.

Все лица как приглашенные, так и просто приходящие по обычаю ставили серебряные монеты на таган и произносили благопожелание молодоженам: «Пусть жизнь будущих супругов потечет по белому, как эта монета, пути». Гости обычно на другое утро уезжали, им также преподносили подарки шубами, халатами и т. д.

После «хулд өкхү» остается последний и вместе с тем самый торжественный визит — «хүрүм». Родители невесты срочно уже готовили приданое своей дочери, хотя о нем заботятся уже после «третьей арьки», а иногда и с самых ранних лет девушки. Но после «хулд өкхү» оно шло быстрым темпом и было уже известно всем людям.

Готовили приданое невесте родители и родственники. По обычаю каждый из них должен дать что-либо ценное на приданое, обычно состоявшее из сундуков, ширдыков, постельных принадлежностей, платья и различных шуб для подарков родным жениха. Все это должно было быть нагружено на верблюда, который тоже шел в качестве приданого.

Когда оставалось до свадьбы приблизительно месяца два-три, родители жениха обращались к зурхачи, чтобы он посмотрел в своей священной книге, в какой день, когда, какого месяца нужно сыграть свадьбу, и т. д. Зурхачи и определял «счастливый день» для обеих сторон. Когда день свадьбы родителями жениха был выяснен, то они посылали кого-нибудь к родителям невесты с извещением их об этом: «өдр кельхю» — «объявить

день». Родители невесты могли и не согласиться с назначенным временем и предложить отсрочку дня свадьбы.

Родители жениха большей частью соглашались с этим, но бывали случаи, когда они и не соглашались. Все же окончательно этот вопрос разрешался только родителями невесты. Когда же они соглашались с назначенным для свадьбы днем, то в свою очередь тоже обращались к зурхачи, т. к. у них не было большого доверия к сообщению родителей жениха. На день свадьбы обращалось большое внимание обеими сторонами. Ошибки зурхачей бывали якобы чреваты тяжелыми последствиями для обеих сторон, могли быть дни, невыгодные для родителей невесты. По ошибке или сознательно зурхачи могли назначить день, когда с уезжающей невестой уходило также и «счастье» родителей невесты. Могли быть и такие дни, по мнению калмыков, которые предвещали смерть одних из супругов, смерть будущих их детей, разорение и смерть ближайшим родственникам. Поэтому вполне понятно, почему родители невесты обращались со своей стороны к зурхачам. Если же бывали разногласия между показаниями двух зурхачей, то вопрос разрешался бакшой (начальником хулула). Только после всего этого окончательно устанавливался день свадьбы. Бывали, между прочим, дни, которые требовали исполнения некоторых церемоний во время свадьбы, например, требующие чтения некоторых молитв и совершения определенных обрядов.

После согласования срока свадьбы каждая сторона, особенно родители невесты, ускоряли всю работу по приготовлению к свадьбе. Если родители невесты и жениха были малообеспеченными, то просили обычно помощи у своих близких и дальних родственников — «дем цуглулху» — «собирать помощь». Для этого обе стороны посещали намеченных ими лиц, объясняли свое положение и просили помощи. Отказов в таких случаях не бывало. Калмыки считали неприличным, если не помочь в таких случаях. Существовало у калмыков также поверье, что если не помочь, то у данной семьи никого не будет, кого можно было бы женить или выдавать замуж.

За несколько дней до свадьбы невесту приглашали все родственники и знакомые, угощали, устраивали прощальные вечеринки, делали ей подарки. Родители жениха в это время готовили молодым кибитку, шили подарки тем родственникам и знакомым, которые должны были приехать с невестой. Одним словом, работа кипела. Обе стороны усиленно готовились к торжествам. Все суетились и волновались. Никому не хотелось ударить лицом в грязь. Каждая сторона желала принять гостей как следует и одарить их, чтобы об этом потом долго говорили.

Некоторые калмыки за несколько дней до «хюрюма» давали родителям невесты угощение, так называемое «шагата». «Шагата» состояла из сваренной баранины и напитков. Большая половина ее отдавалась женщинам. В назначенный зурхачами день приезжали гости со стороны жениха на «хюрюм». Гостей бывало от 10 до 16 и более человек. В число их входили и женщины. Иногда согласно указаниям зурхачей приезжал с гостями один из зурхачей, который своими молитвами должен был устранить возможные дефекты в церемонии свадьбы и совершить необходимые в таких случаях обряды.

Пир во время свадьбы продолжался обычно два-три дня, очень редко в течение суток. Он шел в таком же порядке, как и во время «курҕн үзүгдхе». В последнюю ночь перед свадьбой как сама невеста, так и ее подруги и ближайшие родственники много плакали. Таков был обычай. Кроме того, невеста вообще в последние дни своего пребывания среди своих близких должна была быть печальной. Девушку, которая не придерживалась этого обычая, осуждали все. Перед своим отъездом невеста вместе со своей любимой подругой пела традиционные песни, держа в руках чашки с напитками, для своих близких. В этих песнях говорилось о ее любви к родителям и чувствах родителей к своим детям. Так в песне «Эля буурл мөрн» — «Пепельно-чалая лошадь» — пелось следующее: «Пепельно-чалая лошадь откусывает стебли молодого чакана, а с любовью воспитавшая меня мать вспоминается утром и вечером. Черно-бурая лошадь жиреет весной, а, оберегая меня, воспитавшая мать вспоминается весной». В ответ ей пели невестки или ближайшие родственницы. В своих песнях они советовали ей, как надо жить среди чужих и напоминали об обычном отношении ближайших родственников жениха к ней. Язык чужой матери, как лезвие старого изношенного ножа. Не жалейте своего коня на то расстояние, которое можно объехать. Хотя будешь пить обычный свой чай, то сократи свой сон. Хотя будешь курить привычный тебе табак, но забудь былой свободный сон и т. д.

Эти песни сопровождалась всегда сплошными рыданиями присутствующих, особенно родственников и ее подруг.

После того, как невеста кончала пение, прибывшие с гостями зурхачи давали указание, в какое время невеста должна выехать из родительской кибитки, когда должны выносить приданое невесты, на какой лошади невеста должна выехать, какой человек должен сопровождать ее в пути. Большей частью время выезда невесты приурочивалось к моменту восхода солнца. В назначенное время гости выносили из кибитки приданое невесты, которое перед их приездом складывалось в виде пирамиды —

«баран» около дверей кибитки родителей, с правой стороны ее или в какой-нибудь другой кибитке, находящейся рядом. Перед выездом невесты приводились также все верблюды — с нагруженным на них приданым. При выносе вещей из приданого невесты гостям приходилось очень туго: подруги, родственники, знакомые стоят обычно по обеим сторонам двери кибитки, на несколько десятков шагов в длину. Каждый из присутствующих вооружается чем попало. Когда гости выносят вещи, то они набрасывались на них и били их чем попало и куда попало, кроме головы. Таков был обычай. Чтобы как-нибудь защитить себя от этих немилосердных ударов, гости окутывались в выносимые вещи и бегом направлялись в то место, где их складывали. Иногда эти побои бывали так жестоки и сильны, что ни один мужчина не соглашался еще раз войти в кибитку и вынести оттуда вещи. Когда была вынесена последняя вещь, то оставалось вынести невесту. Перед выходом невесты из кибитки ее снохи стригли у нее ногти на пальцах рук и ног — «кишик авху» — «взять счастье». Ногти эти, смешанные с маслом и полынью, потом сжигались на жертвенном огне. После этого к невесте подходил тот мужчина, который должен первым коснуться до нее. За ним шел тот, который должен вынести ее из кибитки. Голову невесты покрывали материей. Цвет материи заранее указывал зурхачи. Очень трудно было вынести невесту из кибитки. Обычно подруги ее не отпускали. К моменту выноса на руках невесты из кибитки приводили лошадь, на которую, согласно указанию зурхачи, должна была сесть невеста. Она садилась на седло, сзади нее без седла усаживалось лицо, которое должно было выехать с невестой из хотона. Бывали случаи, что из-за традиционных «побоев» мужчины не решались войти в кибитку за приданым невесты, что считалось позором для всех товарищей жениха. Нам не раз приходилось слышать от стариков, как и в каких свадьбах их били.

Отъехав на некоторое расстояние, гости постепенно начинали группироваться, чтобы ехать дальше более спокойно и весело. К этому времени их догонял кто-нибудь со стороны родственников невесты, приносил с собой угощение, которое съедалось и выпивалось всеми присутствующими. После чего каждая сторона продолжала свой путь. Если путь далекий, то покрывало с невесты снимали. Она уже ехала одна и могла даже пересест на телегу.

Одновременно с невестой выезжали сопровождающие ее родственники. Число их бывало от 6 до 10 и более человек.

Если же свадьба должна быть с молениями, то гости приезжали обычно с полукибиткой «джолум», которая ставилась

недалеко от хотона невесты. При таких случаях гости, после соблюдения всех необходимых процедур, объезжали хотон родителей невесты по направлению часовой стрелки и останавливались у своей полукибитки. Здесь обычно совершалось нужное обрядовое моление.

Невесту с женихом сажали на кошму и давали им держать заднюю ножку барана за длинную трубчатую кость. Зурхачи читал молитву, во время которой жених и невеста молились. Мясо с задней ножки съедалось всеми, после чего гости снимались с места и спокойно уезжали. Их никто не преследовал и не бил.

Когда невеста приближалась к хотону жениха, то навстречу ей выезжали двое с куском материи. При прибытии этих двух лиц молодежь как со стороны жениха, так и со стороны невесты устраивали скачку («харача халдху»). Первая прискакавшая лошадь останавливалась около кибитки жениха. Оттуда кто-нибудь выходил и привязывал на голову лошади платок с серебряной монетой. Считалось хорошим предзнаменованием для жениха и его родственников, если первой придет лошадь, принадлежащая им. Если первой прискачет лошадь сторонника невесты, то это было хорошей приметой для невесты и ее родственников.

По прибытию невесты в кибитку появлялись родственники и гости жениха. В кибитке жениха открывали сундуки невесты, вынимали оттуда подарки, которые раздавали тем, кто имел к жениху какое-либо родственное отношение. Халат или шуба преподносились следующим образом. Сидящему человеку подавали сзади так, чтобы он надел только правый рукав, а левый же оставался на плече. Все шубы и халаты, предназначенные для подарков, не должны были иметь ни пуговиц, ни карманов. Шили их тоже не аккуратно, а кое-как. Таков был обычай. К этому времени собирались любопытные, которые подвергали все подарки критике.

В числе предметов должна быть косо отрезанная материя нескольких цветов, иногда она заменяется пучками ниток «эльгце» — «для подвешивания». Обычно «эльгце» выбирали из двух или трех цветов. Преобладающими цветами являлись белый, кубовый или розовый. «Эльгце» вешали на головку решетки кибитки. Вечером в кибитку своего жениха являлась невеста с кошмой (ширдык) и «эльгце». При входе в кибитку она постилает ширдык и усаживается на нем. Перед ней натягивают материю. Ей дают на руку заднюю ножку барана с альчиком. Потом ее заставляют кланяться очагу, солнцу, всем родным и родственникам жениха как живым, так и мертвым.

Процедура поклонения происходила так: отец жениха называл имена тех лиц, которым невеста должна кланяться. После каждого имени человек, который стоял около невесты, наклонял ее голову, повторяя имена лиц, которых называли родители жениха. В то же время на подол платья невесты клали много кусков жира, из которого три кусочка она должна была бросить в огонь. Также невеста должна была бросать эти кусочки жира в отца жениха и его родственников, но обычно невеста этого лично не делала, так как она стеснялась. За нее это делали присутствующие, главным образом сопровождающие ее родственники, при этом произносили: «Пусть сноха ваша кипит жиром» (смысл — будет жить богато). Остатки кусков жира выносили и бросали собакам.

От обильного жира платье невесты превращалось в сплошное сальное пятно. Во время этой церемонии родители жениха давали новое имя невесте вместо девичьего. Редко бывало, чтобы оставляли прежнее девичье имя. После этого она тут же сбросила кибитки всех старших родственников жениха, с ширдыком и «эльгце», если они жили в том же хотоне, где и жених. «Ширдыки» оставлялись в пользу тех лиц, у которых побывала невеста. После всех этих процедур невесту уводили опять в ее кибитку. Здесь женщины, находящиеся около нее, снимали все девичье платье и надевали традиционное женское платье и белье. Из девичьих платьев оставлялось только одно верхнее платье «биизе», которое она носит дня три под женским халатом, пока не привыкнет к новой одежде. Потом ей делали особую прическу, при этом волосы прямым пробором делились на две части, каждая из этих частей сплеталась в отдельную косу и включалась в «шивырлык» — специально сделанный узкий чехол для косы из бархата или атласа, но чаще всего из плюша. Длина чехла равнялась 72 сантиметрам, редко бывало длиннее, а ширина — 8—9 сантиметрам. К концу волос прикрепляли особые металлические подвески — «токуги», специально сделанные для этой цели из настоящего или из «польского» серебра. «Токуги» прикреплялись с обеих сторон верхнего платья женщины в специально для этого приготовленные петли (бель). Женщины аристократического происхождения (ага) не прикрепляли «токуг», а спускали обычно в длину спереди плеч. Между прочим, такое ношение волос отличало женщину-аристократку от простой калмычки.

В то время, когда женщины были заняты туалетом новобрачной, в кибитке шла другая церемония. По обычаю, через дымовое отверстие кибитки выбрасывали три раза голову барана, который был зарезан, после чего ее совсем выбрасывали соба-

кам. Делалась эта процедура, по словам калмыков, в знак того, что через дымовое отверстие должен все время выходить дым. Смысл ее тот, что новобрачные будут жить благополучно и в кибитке будет всегда что-нибудь вариться, не будет нужды. После этого шло так называемое «вырывание шкуры». Часть шкуры зарезанного барана выпускалась наружу кибитки, около двери под решеткой. Другая часть ее оставалась внутри кибитки. Наружную часть тянули приезжие гости, а внутреннюю — сторонники жениха. Тянули до тех пор, пока не разорвут ее на части. Если же шкура не поддавалась их силам, то ее протыкали в середине ножом, после чего легко ее разрывали. Победителем считалась та сторона, которая оттянула себе большую половину шкуры. Если победителями оказывались гости, то полагали, что жена будет главенствовать во всем и муж всегда будет в ее подчинении. Вечером происходила небольшая вечеринка, после чего все расходились по отведенным помещениям спать. Невесту и жениха укладывали на одной кровати. Этим делом руководили исключительно пожилые женщины. Жених, большей частью, убегал, забираясь куда-нибудь в чужую кибитку, а иногда даже в степь. Он долго упирался и не шел в свое ложе, ему было стыдно, неловко. Невеста же была в полной власти женщин. Никаких сопротивлений или же желаний избежать брачной постели она не делала. Наконец, женщины заставляли жениха спать со своей невестой. Уложив жениха и невесту, женщины тушили лампу, закрывали дверь, дымовое отверстие. Часть из них, сделав вид, что они уходят, оставались тут же в кибитке, располагаясь рядом с кроватью молодоженов. Заметить их как невеста, так и жених не могли, так как в кибитке было темно. По обычаю женщины должны были подслушать все то, что будут говорить новобрачные. Вышедшие из кибитки женщины незаметно подходили снаружи к той части кибитки, которая прилегает к кровати молодоженов. Если молодожены были малолетними, «наивными», и если жених не имел понятия о своих супружеских обязанностях, то старшая из спрятавшихся женщин объясняла ему (мужу) о его обязанностях. Если жених еще не достиг половой зрелости и не в состоянии был исполнять свои обязанности, то одна из спрятавшихся женщин заставляла его проявить хотя бы намерение к ним, иначе могло случиться большое несчастье. По верованиям калмыков, если муж не мог исполнить своих обязанностей в первую брачную ночь, то молодой женщиной овладевает «нечистая сила». Когда молодожены засыпают, женщины оставляют кибитку и уходят. Жених обычно поднимался с постели чуть свет и уходил. Считалось крайне неприличным долго спать молодоженам.

На другое утро гости, приехавшие с невестой, уезжали. Всех гостей одаряли шубами, халатами и другими вещами. Приехавшей с невестой женщине дарили самую лучшую шубу, за так называемую «молоко матери» (обрядовый подарок).

Молодая женщина после отъезда своих родственников дня три не выпускала сверх платья своих волос, а держала их внутри женской одежды. По истечении указанного срока снималось с нее последнее девичье платье «биизе». Вся девичья одежда шла обычно в пользу сестер или родственниц молодожена. Постепенно молодая женщина входила в обычную колею жизни. Для нее уже начиналась самая тяжелая жизнь — жизнь снохи, жизнь труженицы.

ПИЩА

Опутанные различными суевериями и обычаями, калмыки в прошлом не оставались свободными от них и в отношении пищи. Не было ни одного вида пищи, где не вмешались бы какой-либо обычай или суеверие. Вследствие этого много весьма полезных для организма видов пищи, особенно растительной, калмыками вовсе не употреблялись или же они употреблялись в весьма ограниченном количестве. Суеверный страх часто заставлял калмыка не только отказаться от употребления того или иного вида пищи, но и вносить его в свою кибитку. В старину предки калмыков были уверены в том, что свойство и качество не только того или иного животного, которого они употребляли в пищу, но даже отдельных его органов передаются тому лицу, который съедает такую пищу. Точно так же они избегали употребления многих видов растений и животных, чтобы по закону сходства не приобрести эти нежелательные или нехорошие качества и свойства, присущие им.

Вся пища делилась на две части: на такую, которую могут есть, и на такую, которую могут есть женщины. Воспрещалось мужчинам есть конец привратника желудка животных. Его могли есть только женщины. Существовало поверье, что если его съест хозяйка кибитки, то это способствовало увеличению верблюдов. Мужчинам нельзя было также есть прямую кишку животного, ее опять-таки ели исключительно женщины, при этом она съедалась не только одной хозяйкой кибитки, но всеми присутствующими женщинами. Считалось величайшим оскорблением, если случайно какая-нибудь женщина, присутствующая при этом, не получила своей доли.

Селезенку ели только взрослые. Существовало поверье, согласно «закону сходства», что цвет лица у съевшего селезенку, будет такой же фиолетово-розовый, как у селезенки, к тому же

калмыки вообще обращали много внимания на селезенку: каждый калмык, как только зарежет скотину, не забывал посмотреть на края селезенки. Существовало поверье, что края селезенки бывают неровные, бугристые и с сосочками. Чем острее эти сосочки, тем сильнее считалась семья. Этой семье завидовали. По мнению калмыков, зависть могла повредить не только росту стада, но и здоровью членов данной семьи. Потому принимались меры, предотвращающие эти несчастья путем приглашения зурхачи. Что касается самой селезенки, то ее разрезали на четыре куска и бросали на четыре стороны и при этом плевали и говорили в адрес недругов: «Пусть язык и рот твои будут изрезаны так же, как эта селезенка, и все ваши зависти обратятся на вас самих». Детям не давали корень языка животных, полагали, что они будут плохо говорить, также не давали кончик языка, его срезали и выбрасывали. Одни думали, что ребенок будет от этого плохо говорить, а другие, наоборот, полагали — будет чересчур остер на язык, поэтому невольно заставит обращать на себя внимание других, вследствие чего о нем будут много говорить, в конце концов сглазят и он умрет.

Надколенная чашечка всех животных, которая попадает в сваренном мясе, очищалась самым тщательным образом от мяса. Каждый стремился, чтобы эта кость была гладка и в ней не осталось нигде мяса. Особенно старались юноши. Существовало поверье, что качество лица будущей невесты будет зависеть от того, как было съедено мясо надколенной чашечки. Вычищенная от мяса надколенная чашечка выбрасывалась по направлению к передней части кибитки — к решеткам со словами: «Пусть лицо моей невесты будет красивым». Эти слова не всякий юноша мог произнести вслух, но несомненно, мысленно он произносил эти слова, чтобы лицо его невесты не имело никаких дефектов.

Лицам, имеющим дело с водой, рекомендовалось есть легкие, ибо полагали, что такие люди не могут утонуть в воде, ибо сами становятся легкими. Поэтому, несмотря на то, что сваренные легкие ничего приятного или вкусного не представляли, их особенно охотно ела молодежь в прикаспийских и приволжских улусах, ибо они большую часть своего времени проводили на воде. На этом основании не менее охотно съедались и пузыри рыб. Полагали, что благодаря этому, человек будет также хорошо плавать, как плавают рыба.

Не рекомендовалось есть печень тем лицам, которым приходится часто бывать на море или вообще иметь дело с водой. Человек, съевший печень, идет, по мнению калмыков, ко дну также быстро, как сама печень. С другой стороны, калмыки бы-

ли уверены, что печень излечивает все болезни желудочно-кишечного тракта. Сердце и почки животных давались исключительно детям. Если в семье детей нет, то очень часто сердце и почки отдавали детям соседям, причем сердце обычно давалось мальчикам. Калмыки полагали, что сердце положительно влияет на храбрость съевшего, но не рекомендовалось есть сердце зайца, так как он — самое трусливое животное. Молодежь любила есть сухожилие, ибо по поверью калмыков, кто ест сухожилие, тот становится сильным. Здесь, по-видимому, принималось во внимание то обстоятельство, что сухожилие может переварить желудок не всякого человека.

У калмыков было поверье, что быстрота зайца зависит от надколенной чашечки, вместе с тем они думали, что надколенная чашечка у зайца также обладает магическими свойствами. Если ее проглотить, не дотрагиваясь до нее зубами, то она непременно должна якобы появиться где-нибудь на теле человека, при этом она будто бы приносит с собой какое-нибудь качество человеку, которое зависит от места ее появления на его теле. Если она появилась на лбу, то это знак, что данный человек будет умным, ибо по поверью калмыков, ум человека заключается на лбу, когда надколенная чашечка появляется на голени, то это будто бы обозначает, что данный человек будет быстрым, так как быстрота зависит от состояния и качества голени; если же она появилась на кистях рук, то это признак силы и богатства, так как богатство собирается руками; появление ее на затылке обозначает, что данный человек будет бедняком, ему никогда и ни в чем не будет везти, его везде и всюду будут бить по затылку.

Ввиду того, что вера в непременно появление проглоченной надколенной чашечки зайца была велика, то ее глотали очень многие. Каждому хотелось узнать, что его ждет. Глотали ее не один раз и каждый искал на себе, не появилась ли она у него на теле где-нибудь, и каждый из них старался найти ее там, где ему выгоднее (на кистях, на лбу), но, конечно, ни в коем случае не на затылке.

Когда дарили голову животного, то оба глаза ее должен был съесть один человек, ни под каким видом нельзя было делить, ибо полагали, что тогда можно потерять свой глаз. Не давали детям костный мозг трубчатых костей. Существовало поверье, что у таких детей из носа будет течь слез так же, как этот костный мозг.

Когда калмыки резали животных на мясо, то кровь наливали в желудок. Верхнее отверстие его протыкали палочкой, сверху покрывали сальником и крепко привязывали его, причем

сальник брали в достаточном количестве. Полагали, что чем больше взято сальника, тем лучше для хозяина. Калмыки верили, что от количества наложенного на наполненный кровью желудок сальника зависит, какой подарок они получают от родителей невесты своего сына во время свадьбы. Большой сальник, по их мнению, принесет лучший подарок в виде дорогих шуб, шелковых халатов и т. д. Сваренную верхнюю часть желудка с сальником отдавали хозяйке кибитки. Она делила его всем присутствующим женщинам, ибо считалось неприличным есть ее одной хозяйке. Женщину, допустившую это, все осуждали. Нижнюю часть желудка, за исключением привратника, съедали исключительно мужчины, если кто-нибудь был случайно обойден из присутствующих мужчин, то это считалось оскорблением. Мужчины должны были есть еще берцовые кости и кости плеча (шага, чимгн, атхмал, чимгн); женщины же ни под каким видом не должны были касаться их, исключения могли здесь составлять только аристократки (дочери зайсанга, нойона). По поверью калмыков, нельзя было есть яйца пигаиц. Полагали, что от них лицо человека делается таким же рябым, как эти яйца. Это было редчайшее явление, если кто-нибудь употреблял в пищу яйца пигаиц. Люди, страдающие головными болями, ели голову животных, будучи в полной уверенности, что этим способом можно излечиться от болей.

У калмыков существовало поверье, что щука действует на человека возбуждающе. Никаких доказательств по этому поводу у калмыков не было. Они только говорили, что щука твердая — поэтому она возбуждает человека, особенно его половую деятельность. По-видимому, здесь просто принимается внешний вид, форма щуки, ее твердое тело.

Переднюю половину сома калмыки не ели, считая ее грязной, ибо сом не брезгает лягушками, мелкими животными и т. д., нижнюю часть ели главным образом в жареном виде. Если кто-нибудь из съевших сомятину был недоволен своей порцией, то он, по мнению калмыков, непременно должен был заболеть расстройством желудка. Действительно, лишняя порция сомятины тяжело действует на желудок, вызывая расстройство. Не понимая сущности этого явления, они расстройство желудка приписывали сому, который мстит тем, кто был недоволен им.

Довольно странное поверье мы наблюдали у калмыков относительно лимфатических желез. Калмыки ни под каким видом не клали в котел на варку лимфатические железы задней половины животных, при варке мяса самым тщательным образом следили за тем, чтобы железа не попала в котел. Старшие в

семье несколько раз напоминали при варке об этом, говоря: «Железы задней части (ножек) никогда, пока не дойдешь до нищенства, не клади в котел». Что касается лимфатических желез передней части туши животного, то говорили: «Железы передних ножек клади в котел до тех пор, пока не будешь царем».

Мясо павших животных калмыки не ели. Точно также многие не ели мяса задранных волками животных. Обычно такие запреты накладывались гелюндами после тяжелых болезней в какой-нибудь семье. Многие калмыки не ели верблюжатины, особенно женщины беременные или роженицы, полагая, что верблюжатиной делает людей чересчур полнокровными. Многие калмыки собирали кости предплечья мелких животных, главным образом баранов; собрав известное количество костей, они чанизывали и привязывали их на жердях правой двери кибитки.

Сваренное мясо вынимали из котла, клали в одну посуду. Из этой посуды хозяева, главным образом хозяйка, раскладывали мясо присутствующим в чашки, причем каждому кладется в чашку мясо в соответствии с его положением. Так, старикам всегда давали лопатку. Лопатка считалась мясом стариков, при этом лопатка не съедалась одним человеком. Тот, кто ест лопатку, непременно должен был поделиться с кем-нибудь. Если лопатку давали кому-нибудь из гостей во время свадьбы или других торжеств, то он непременно должен был проделать определенную манипуляцию с ней. Человек, который съел мясо лопатки, должен был проломить ударом пальца лопаточную кость в широком крае ее, для чего она предварительно тщательно очищалась от мяса. Держать ее надо было сбоку между согнутым указательным пальцем и большим пальцем левой руки. На указательный палец кладется большой палец той же руки. Ставя на него указательный или средний палец правой руки, с силой бил им на край лопатки. При умелом обращении с костью, ловкости и силе удара, некоторые лица отбивали кусочки лопатки почти с первого раза. Если съевший лопатку человек не в состоянии был это сделать, то это считалось для него позором. Человек, который чувствовал, что он не в состоянии отбить кусочка лопатки, ни под каким видом не дотрагивался до нее и должен был вернуть ее обратно.

В обыденной жизни знакомые люди не всегда соблюдали это правило, но съевший лопатку непременно должен был хотя бы зубами отломить кусочек у лопатки (кости). Невыполнение этого считалось дурным предзнаменованием. По костям лопатки старики предсказывали, какая будет зима в данном году, каков хозяин зарезанного животного. Если кость лопатки очень свет-

лая и содержит мало костного мозга, калмыки говорили, что будет суровая и продолжительная зима. Что же касается хозяина данного животного, то по ней (кости) предсказывали, что ждет его (в смысле накопления богатства), скупой ли он и т. д. Так, если ямка головки лопатки не глубока, а плоска, то говорили, что хозяин очень скупой, ибо ямка сравнивается с котлом, раз ямка плоская, то и котел у данного хозяина незначителен (невместителен), т. е. хозяин никогда лишнего не варит, а варит исключительно для своей семьи, а хорошо развитый клювовидный отросток показывает гордость, независимость характера хозяина; плечевой отросток показывает, как будет расти скот у данного человека, если он хорошо развит, то скот у него будет быстро расти, что же касается самой кости лопатки, то верхний ее край, гребешок, начиная от плечевого отростка до конца, обозначает дорогу, по которой должен проходить скот у данного хозяина. Если он широк, то это признак, что данный человек будет быстро ходить за своим скотом. Плоскостное углубление лопатки считалось прикрытием для скота, от ее глубины якобы зависело дальнейшее развитие, умножение скота у хозяина.

Существовал еще один довольно интересный обычай. Он заключался в том, что при жертвоприношениях огню и других торжественных случаях сердце заколотого животного варилось целиком с аортой. Потом вместе со сваренным мясом оно вынималось из котла, завертывалось в сумку из шкуры, причем верхушка сердца чуть-чуть должна выступать наружу из сумки. В таком виде кто-нибудь из мужчин, обычно хозяин кибитки, плотно держал сердце и заставлял мальчиков откусывать (девушки не допускались). Несмотря на все неудобства из-за того, что сердце сильно сжато руками держащего, некоторые мальчики умудрялись откусить его. Такого мальчика окружающие хвалили, говоря: «молодец», «богатырь» и т. д. По этим проявлениям симпатии к удачно откусившим сердце мальчикам можно заключить, что калмыки придавали большое значение ловкости, смекалке и силе мальчиков. На основании этого можно предположить, что происхождение этого обычая было связано со спортивными упражнениями кочевников, их смелостью и ловкостью. Но этот обычай, кажущийся с первого взгляда невинным, имел и отрицательную сторону. Он был чреват возможностью заражения бытовыми заразными болезнями.

ОДЕЖДА

Обычаи и верования, связанные с одеждой калмыков, незначительны. Несколько десятилетий тому назад калмыки носили

одежду главным образом из простых бумажных материй. Но у каждого мало-мальски состоятельного калмыка имелась еще одежда из полушелковых и полусуконных тканей, которые они носили в особые дни (праздники и другие какие-нибудь торжества, свадьбы и т. д.). Раньше богатые калмыки носили одежду из бархата, шелка и шерстяной материи. Одежда мужчин состояла из мерлушковой шапки, рубашки, кальсон, бешмета, шубы, сапог из сафьяна. Женская одежда отличалась от мужской. Женщины носили еще шелковые или бархатные верхние халаты особого покроя «терлик», «цегдык», украшенные золототкаными орнаментами, разноцветными шелковыми нитками и серебряными монетами, парчой и золотыми вышивками.

По уверениям калмыков, всякий верующий и считающий себя истинным калмыком, должен был носить шапку не из сплошной мерлушки. Верх шапки не должен быть покрыт мерлушкой, а нужно было сделать его из какой-нибудь другой материи. Шапки целиком из мерлушки могли носить только иноверцы и люди, не признающие калмыцких обычаев. Здесь, по-видимому, играла роль экономия материи. Игнорирование этого обычая считалось нетактичным, неприличным. Шапку должны были носить острым концом вперед, но нельзя было носить шапку с острыми концами, обращенными в бок. Так, по верованию калмыков, могли носить люди, не признающие калмыцких традиций. Раньше считалось неприличным, если молодые женщины, особенно девушки, носили шапку, не отделанную мехом из выдры или соболя, причем верх ее должен иметь четырехугольную форму.

Рубашку мужчины должны были носить закрытую, с небольшим разрезом для головы, этот разрез должен быть наглухо застегнут. Женщины должны были носить рубашку с широкими воротниками типа «апаш», воротник, которой застегивался спереди двумя пуговицами. Рубашка женщины была открытая, т. е. имела разрез во всю ее длину. На воротниках рубашки женщины носили серебряные монеты и мелкие тонкие пуговицы, бисерные из стекла или из камня рубинового цвета. По мнению калмыков, эти бисера предохраняли их от наваждений со стороны нечистых сил. Считалось грешным носить мужчине рубашку-косоворотку. Таких лиц называли «обрусевшими», неверующими, не признающими калмыцких обычаев и относились к ним недружелюбно. Бешметы, шубы и т. п. застегивались с левой стороны, ибо лица, застегивающие свою одежду с левой стороны, еще не испорчены и верны традициям предков.

Надевшему новую одежду присутствующие выражали наилучшие пожелания, чтобы одежда была ноской и желанной для

хозяина, детям давали конфеты, крендели с благопожеланиями.

Всякую новую одежду, прежде чем надеть на себя, калмыки проводили над огнем, а потом sprыскивали воротник водой и три раза ею ударяли о верх притолоки двери, при этом ударяющий говорил: «Үмсхив», — «могу надеть». Находящиеся в кибитке отвечают: «Үмс», — надевай.

Если случайно развяжутся бывало шнурки, прикрепляющие кальсоны, то полагали, что это хорошая примета, что данному человеку (мужчине) предстоит есть хорошую еду или его ждет интимная встреча с приятной женщиной.

Некоторые калмыки после жирной, мясной пищи руки свои вытирали о сапоги, при этом у них существовало такое поверье, что надо мазать жиром постепенно оба сапога (иначе сапог, который остался без жира, ночью может исчезнуть, поэтому калмыки не допускали, чтобы был намазан только один сапог. Практически это делалось для того, чтобы сапоги не трескались, а были всегда мягкими от пропитки жиром и не пропускали влагу.

Что касается верхней одежды, например, шубы, то никогда нельзя было носить ее сплошь из меха одного вида животного, по крайней мере, воротник ее должен был быть из меха другого животного. Не рекомендовалось также носить шубу из меха хорька. Существовало поверье, что острые зубы хорька всегда могут повредить человеку, носящему его мех.

Считалось неприличным ходить без пояса. Как мужчина, так и девушка должны были носить пояс туго затянутым. Женщины пояс не носили. Самым зловредным для здоровья девушки было ношение камзола. Его носили исключительно девушки сверх рубашки. Он напоминал безрукавку, туго обхватывающий грудь. Длина его доходила до подреберья. Камзол начинала носить девушка с самых ранних лет. Часто можно было видеть детей 7—8 лет, грудь которых была туго стянута камзолом. Причину ношения камзола калмыки обычно объясняли тем, что якобы девушке неприлично иметь развитые груди. Развитые грудные железы, по убеждению калмыков, присущи только женщинам. Поэтому они говорили: «Девушка — не женщина, поэтому у нее больших грудей не должно быть». В туго сжатой камзолом груди почти не развивались грудные железы, и сама грудная клетка отставала от общего развития всего тела девушки. Благодаря этому грудная клетка девушек становилась узкой и плоской, что в конце концов вело к заболеванию легких туберкулезом и другими болезнями. По словам врачей, долгие годы работавших среди калмыков, девушки-калмычки даже не умели правильно дышать. При расспросе подтверждалось и са-

мыми калмычками, которые рассказывали, что в первые дни после выхода замуж, когда они снимали камзол, им трудно было дышать. Многие из них уверяли, что они задыхаются от избытка воздуха, когда, освобожденная от тисков камзола, грудь вбирала в себя воздух, и поэтому в первые несколько дней молодые женщины, по их словам, чувствовали себя больными.

Камзол — не калмыцкого происхождения. Он перенят со стороны. Кроме того, у калмыков не было общего названия для него. Дербеты называют «джилетка», а торгоуты «камзол». То и другое слово — не калмыцкое. Существует несколько мнений о происхождении камзола. Одни считают, что это европейский корсет, неудачно примененный в быту калмыками. Другие считают, что сначала камзол употреблялся в виде лифчика для поддержания грудных желез, так как девушка-калмычка много времени наряду с мужчиной проводила верхом на коне. Впоследствии он постепенно по той или иной причине превратился в «камзол». Это объяснение довольно резонно, так как у донских калмыков он называется «котермджи» — т. е. поддержка.

Третьи полагали, что «камзол» перенят от кавказских народов.

ПРАЗДНИКИ

Праздников у калмыков было несколько. Самый большой — праздник весны — «Цаган-сар» («Священный месяц»). «Цаган-сар» празднуется у калмыков первого числа первого весеннего месяца. К этому празднику калмыки готовятся долго. Все, кто только в состоянии, покупают и шьют себе новые костюмы, заранее покупают угощения и напитки. Каждая семья покупает конфеты, пряники, крендели, мускатные орехи и, наконец, сало или режет самого жирного барана. В это время ощущается сильная нужда в сале, так как каждая кибитка готовит «борцуки» (прокипяченное в сале мучное изделие). Борцуков готовят много, придают им разнообразные фигуры. Накануне дня «Цаган-сар» везде царит суматоха. Делаются последние приготовления к празднику. Рано утром первого числа молодежь обоего пола отправляется в ближайший хурул встречать «Цаган-сар». Наутро каждая хозяйка вынимает из сундука свою лучшую, парадную одежду и вывешивает ее на видном месте на веревке в кибитке. Каждый надевает свою лучшую одежду. В хурулах целую ночь идет богослужение. Оно прекращается только после восхода солнца, когда гелюрги выходят из самого большого хурула, где они совершали богослужение и поздравляют всех находящихся снаружи хурула. Все, прибывшие на богослужение, становятся двумя рядами от дверей хурула, имея посредине

трудные дни, то после «Урюс» уже не может возврата к холодам.

Эти обстоятельства ясно показывают, что до «Урюс» степняк себя застрахованным от всех последствий зимы не считал. Только теперь он с радостью мог считать, что она освободила его от всех зимних несчастий и невзгод. Что касается «Зулы», то он посвящается наступлению Нового года.

Что касается зажигания костров во время «Зулы», то это есть несомненно желание воздействовать на убегающую силу солнца путем разведения костров и лампад и тем самым оживить умирающую от зимнего холода природу. Подобное встречается у многих народов.

Форма приветствия на «Цаган-сар», по-видимому, претерпела за время пребывания калмыков в низовьях Волги некоторое изменение. Так, Небольсин описывает, что во время празднования «Цаган-сар» молодые, приветствуя старших (например, сын отца), становились перед ним на правое колено, прикладывая пальцы ко лбу и говоря приветствие, придвигали свое правое плечо, на которое старшие накладывали руку. Обычное приветствие всех между собой, даже совершенно незнакомых лиц, по словам Небольсина — это отдавать честь, приложившись пальцами ко лбу, а потом брать руки на татарский манер. Между тем, с тех пор, как нам приходилось наблюдать, мы всегда встречали этот вид приветствия.

ГОСТЬ

Всякий человек может найти у калмыков самый радушный прием независимо от того, знаком он с хозяином или нет. Гость, по обычаям калмыков, должен быть напоен, накормлен и принят наилучшим образом. Для гостя ничего не жалеют. Дают ему самое лучшее. Для него не жалеют даже последнего. Бывали случаи, когда калмык, не имея ничего у себя, занимал у соседей, чтобы угостить приезжего. Существует пословица: «Лучшую пищу давать гостю, а лучшее платье носи сам». Действительно, калмыки не жалеют ничего, лишь бы гость остался довольным. Когда кто-нибудь подъезжал к кибитке, то к нему выходили навстречу, один из вышедших подходил к тому месту, где остановился гость, брал у него лошадь, отводил ее в сарай или же оставлял на месте, стреножив ее. Приезжий входил в кибитку. После обычных приветствий он садился в правой стороне кибитки, где подстилали ему «ширдык» (кошму). После этого младший из присутствующих в кибитке лиц брал трубку у гостя и раскуривал ее. К сожалению, этот невинный обычай

способствовал зачастую распространению заразных болезней. Одновременно с раскуриванием трубки разводили огонь и варили чай. Чай подносили гостю младшим в семье, причем считалось нетактичным и вместе с тем дурным предзнаменованием, если подносящий прольет хотя бы несколько капель из чашки. При таком случае молодой человек получал замечание, и чашка доливалась, чтобы возратить счастье пьющего человека. Если гость оставался ночевать, то вечером ему специально резали барана. Такое угощение считалось признаком наибольшего уважения к гостю со стороны хозяина кибитки. Когда гость уезжал, то приводили его лошадь, седлали ее и сажали гостя на коня, причем голова лошади уезжающего должна быть обращена в сторону кибитки. За все время пребывания гостя за его лошадью ухаживали члены семьи хозяина. Считалось позором для хозяина кибитки, если с гостем случится какое-нибудь несчастье во время пребывания у него. Хозяин кибитки у каждого прибывшего гостя непременно должен был спросить о корме, о скоте, о благополучии того аймака, рода, хотона, откуда происходит приезжий. Если же гость был знаком ему, то должен был спросить о здоровье стариков-родителей, детей, родственников, скота и т. д. В свою очередь, гость обязан был расспросить хозяина о том же.

К хотону нужно было подъезжать тихо, иначе считалось неприличным. Точно так же нужно было и выезжать.

ВЕТЕР

В жизни калмыка-кочевника ветры играли немаловажную роль. Сухой, знойный восточный ветер летом сушит степь, превращая ее в сплошную голую пустыню. Под действием его и при сильной жаре растительность вся выгорает. Зимой же эти ветры насквозь пронизывают человека и животных. Вместе с тем такие ветры сопровождаются буранами, метелями и приносили разорение хозяйству калмыка, ибо скот, лишенный подножного корма, погибал от голода. Если же такие ветры дули, когда земля не покрыта снегом, то положение калмыка было не из легких. Такие ветры у калмыков назывались «хара под» — «черное жжение». Отсутствие снега не давало им возможности далеко откочевывать от колодцев и пользоваться лучшими подножными кормами. Дело в том, что когда земля покрыта небольшим снегом, то скот может пастись где угодно, независимо от места нахождения колодцев, так как он утоляет жажду снегом. Кроме того, холодный ветер плохо действует на скот, в особенности потому, что у калмыков не было ни сараев, ни базов

для скота, вследствие чего скот находился под открытым небом. Такова была зависимость калмыков от ветра.

Что касается калмыков, проживавших в прикаспийских и приволжских улусах, то ветры в их хозяйственной жизни приносили много ущерба. В этих улусах, особенно в прикаспийских, население находилось в прямой зависимости от них. Для рыбаков было безразлично направление и сила ветра. Для них выгодны были восточные моряны, т. е. дующие со стороны Каспийского моря. Они пригоняли воду из моря в низменные места. Вместе с водою шло громадное количество рыбы, которая весною метала икру в этих низменностях, поросших камышами, чаканами и другими травами. Ловцы зарабатывали тогда большие деньги.

Западные ветры, наоборот, угоняли рыбу далеко в море. Если дули западные ветры, то для ловцов, главным образом речных, начиналось самое тяжелое время. Иногда ловцы подолгу сидели, как говорили, «не имея рыбы даже на котел». Недолгов рыбы тяжело отражался на ловце. Поэтому вполне понятно, что они больше заинтересованы были в восточных ветрах, как наиболее выгодных для них. Одним из средств, якобы действующих на восточные ветры, по их мнению, являлось следующее: старший сын, первенец в семье, выходил на берег и становился на четвереньки, задом к востоку. Калмыки были уверены, что от этого подует желанный ветер. Другим, не менее важным средством, вызывающим восточный ветер, по их верованию, являлась голова черно-лысого кабана. Отрезанную голову кабана такой масти ставили на берегу, воткнув в шест, при этом голова должна быть обращена на восток. Этот способ у калмыков был не особенно в почете. По их мнению, голова кабана вызывала действиями на море людей. Поэтому к этому способу они прибегали в крайних случаях. Так как голову кабана, да еще лысого, очень трудно достать, то большей частью удовлетворялись тем, что лепили фигуру кабана из глины и разукрашивали его голову, чтобы она напоминала лысую, и ставили тоже на берегу головой на восток. Полагали, что подобная фигура кабана по силе своего магического действия на ветер не намного уступает настоящему кабану. Всякий крик, шум, свист, бумажные змеи и т. д., по верованию калмыков, усиливали силу ветра, поэтому во время сильных ветров и ветров нежелательных для данной местности все это воспрещалось. Существовало поверье, что цапли тоже вызывают ветер, при этом ветер будто бы дует с той стороны, откуда они летят. Точно так же калмыки были убеждены, что пасха вызывает сильные восточные ветры. По этому поводу

у калмыков даже бытовала песня, характеризующая силу и могущество их. Каждый год калмыки ждали на пасху восточных ветров («Улан — өндөгөн салькин» — «ветер красных яиц») и заранее готовились к нему, чтобы пополнить богатой добычей свой скромный бюджет. Ясное дело, что это поверье часто обманывало калмыков. Старые калмыки предсказывали по некоторым приметам, будет ветер или нет. Если около солнца или луны появлялась радуга, то это признак сильных ветров. Точно так же, когда при заходе солнца показываются с западной стороны тучи, то это тоже признак ветров. Одним из лучших признаков о возможности ветров считаются формы облаков. Если они напоминают собой фигуру верблюда, то калмыки говорили: «Появились верблюжьи облака, не будет покоя небу», и будут сильные ветры и дожди.

Что касается вихрей, то о них у калмыков существовали другие поверья. Они думали, что вихри поднимаются исключительно «нечистыми силами». Последние двигаются с вихрями, находясь в самой середине. Поэтому, когда к хотону приближаются вихри, калмыки выбегали из кибиток, брали в чашках воду, выплескивали ее по направлению вихря. Они полагали, что этими процедурами могут подействовать на «нечистые силы», и вихри уйдут, не задев ни одной кибитки в хотоне. Часто вихри производили переполох в хотоне, поднимая всех на ноги.

Когда нам приходилось задавать калмыкам вопрос, почему они думают, что в вихрях находятся «нечистые силы», то они с полным убеждением отвечали, что так говорили в старину.

ДОЖДЬ

Калмыки очень были заинтересованы в дожде не меньше, чем любой крестьянин-земледелец. От дождей зависело состояние пастбища, а от него, в свою очередь — благосостояние калмыка-скотовода. Чем лучше пастбище, тем в лучшем положении его скот. Часто засушливое лето ставило степняка в самое безвыходное положение. Вся степь пышет зноем и все кругом под жгучими лучами солнца выгорает. Степь принимает изжелта-песчаный цвет. Скот голодает и начинает падать. Тщетно калмыки ищут выхода из положения. Тщетно они ищут лучшие пастбища. Только выпавший дождь может спасти калмыков от полного разорения. Но если после такого лета не бывает дождей к осени, то весь скот уже был обречен на гибель. Таким образом, дождь для калмыков являлся вопросом жизни и смерти. Вот почему они так заинтересованы были в дожде не меньше, чем любой земледелец, хотя они и не занимались земледелием. Естествен-

но, у калмыков возникало желание повлиять на атмосферу, чтобы получить вовремя желанный дождь. Отсюда, естественно, с каким уважением и благоговением население относилось к тем, кто обещал прийти на помощь в этом деле. Эти «делатели дождей» — «задчи» — повелевающие грозным явлением природы, пользовались необыкновенным авторитетом среди населения. Все эти «делатели дождей» в калмыцкой степи были лицами духовного сословия. «Делателей дождей» среди масс мы не знаем. О «могуществе» и «силе» этих «делателей дождей» среди населения ходили фантастические рассказы. Нам лично приходилось разговаривать с некоторыми лицами, которые якобы были очевидцами чар и могущества этих людей. Мы знаем, что «делатели дождей» пользовались большим авторитетом.

Мы считаем небезынтересным привести здесь те рассказы калмыков, которые нам пришлось слышать из уст «очевидцев». К одному зайсангу Никееву Сангаджи, владельцу Харнутовской общины Эркетеневского улуса, обратились калмыки из его аймака, у которых караногайцы из Терской области угнали всех их верблюдов. Ввиду того, что после угона верблюдов прошло довольно много времени (около суток), догнать грабителей не представлялось возможным. Калмыки попросили своего зайсанга помочь им вернуть верблюдов обратно. Зайсанг призадумался, и, наконец, согласился помочь им. Предложил поехать потерпевшим к себе и сказал, что завтра к этому же времени караногайцы пригонят обратно их верблюдов. После того, как потерпевшие уехали, зайсанг взял девять своих «дождевых камней» и поднялся на высокий бугор. Взял он также чашку с водой и на бугре стал «вызывать дождь». Тотчас же появились грозные тучи, и пошел сильнейший дождь с той стороны, куда уехали грабители. Дождь шел целые сутки. На другой день похитители с похищенными верблюдами были пригнаны обратно к тому же месту, откуда были взяты верблюды. Полуживые караногайцы на коленях стали просить, чтобы зайсанг над ними сжалился и прекратил дождь. Долго пришлось упрашивать зайсанга, ибо он был оскорблен тем, что караногайцы осмелились грабить подвластных ему калмыков, не считаясь с его авторитетом. Наконец, зайсанг как будто перестал возмущаться, сжалился над бедными караногайцами и прекратил дождь. Или другой случай, рассказываемый еще с того времени, когда калмыки кочевали, делали большие переходы на несколько сот километров, и вместе с ними кочевала и администрация в лице пристава и его помощников. Кто-то передал приставу, что в хуруле, находящемся на расстоянии около одного километра от административного управления, находится гелюнг, который в состоянии

вызвать дождь. Пристав не поверил этому, но все же решил посмотреть на эту «знаменитость». Гелюнга пригласили. Явился к приставу очень небрежно одетый, весьма невзрачный человек. Пристав стал открыто смеяться над гелюнгом, будучи в полной уверенности, что он ничего не сможет сделать. Между тем, по уверениям калмыков, гелюнг этот был высококультурным и по-своему очень образованным человеком. Встретив со стороны пристава насмешку и издевательство, он обиделся и ушел, от пристава он направился в ближайший бугор. Взял с собой несколько кусков сухого лошадиного помета. Возбравшись на бугор, он стал разбрасывать в разные стороны превращенный в порошок помет и производить заклинания. Тут же появились грозные тучи и полил сильнейший ливень только над управлением. Над хурулом не было ни одной капли дождя, и ярко светило солнце. Когда вода в кибитке, где находился пристав, достигла почти до колен, то пристав сильно испугался, послал человека к гелюнгу, прося его простить. Только после этого гелюнг якобы прекратил дождь. Так рассказывали сказку «очевидцы». А слушатели были в полной уверенности, что дожди были вызваны гелюнгом. Бывали и другие случаи, когда такие действия (вызывание дождя) пытались совершать различные гелюнги-шарлатаны.

Нам рассказывали, что за несколько лет до первой мировой войны в Манычском улусе во время сильной засухи один гелюнг решил вызвать дождь следующим образом. На собрании граждан данного улуса он заявил, что вызовет дождь, если ему поставят совершенно новую кибитку в стороне от хурула и если ему будут прислуживать через каждые сутки девственницы, которые должны поддерживать огонь в лампадах перед божевами, находящимися в его кибитке. Калмыки поставили ему кибитку и через каждые сутки посылали девственниц, но дождя все же не было. Спустя полтора-два месяца, калмыки, не дождавшись обещенного дождя, перестали посылать к нему девушек, а гелюнг-шарлатан сбежал.

ОГОНЬ

С огнем у калмыков было связано много верований и обычаев. Огонь, по верованию калмыков, очищает от всего плохого и грязного, — нет якобы ничего на земле, что могло бы по могуществу своего очистительного свойства сравниться с ним. Действительно, мы увидим в жизни калмыков много примеров того, когда он постоянно прибегал к силе огня.

Калмыки не ели мясной пищи без того, чтобы не бросить

сначала три куса жира в огонь. Только после этого приношения в жертву богу огня начинали они есть сами. Точно так же в огонь бросали сбитое из арьяна масло. Жир от мяса павших или зарезанных волками животных в огонь не бросали. Трупы павших животных считались грязными и оскверненными. В огонь же ничего грязного бросать было нельзя. Рыбий жир в огонь не допускали. Во-первых, считалось, что рыба с холодной кровью, а, во-вторых, она, как обитающая в воде, ни под каким видом не должна соприкасаться с огнем.

Величайшим грехом и дурным предзнаменованием считалось, если в очаг и вообще в огонь попадает вода. Если кто случайно прольет воду в очаг, то тут же бросали в огонь масло или сало, чтобы умиловить его, иначе, по убеждению калмыков, могло случиться большое и непоправимое бедствие в семье. Несомненно, это верование сохранилось еще с самой глубокой древности.

В жизни калмыков согласно древним обычаям огонь играл большую роль. Он присутствовал в самых радостных и в самых печальных случаях жизни. Его одинаково почитали и ему же приносили жертву в самых торжественных случаях: рождение, свадьба и в печальных случаях, таких, как смерть.

Калмыки не давали огня из своей трубки закуривать другому. Полагали, что такая вещь способствует к ссоре с данным лицом и, кроме того, души этих двух лиц после их смерти никак не смогут разделиться на том свете.

Никому не давали огня в первый день перекочевки на новое место. Полагали, что с огнем может уйти счастье с нового места. Не разрешалось прыгать через огонь. Говорили, что это грешно, ибо огонь чистый. Между тем, почти у всех других народов многие весенние празднества связаны с прыганием через огонь. Возможно, что здесь калмыков останавливало чисто практическое соображение — не спалить нечаянно себя.

Вместе с тем огонь обладал, по мнению кочевника, большой очистительной функцией. Калмыки после зимней стоянки пропускали всю семью, весь скот и имущество между двух костров с солью (этот костер назывался «шюр»).

Если какой-нибудь предмет почему-либо считался нечистым или загрязненным, то, по мнению калмыков, стоило только поддержать его просто над огнем или над огнем с можжевельником, как вся эта грязь пропадала, и предмет становится годным к употреблению. Если что-нибудь съестное упало на землю, оно тоже считалось грязным. Но стоило его поддержать над огнем, как оно очищалось от всякой грязи и его можно было съесть.

Когда калмык-рыболов ставил новые сети, то он должен был поддержать их над огнем. Если невод новый или же долго находился в употреблении, то его тоже пропускали между двух огней. Иногда в огонь бросали можжевельник или же соль. Всякий предмет, через который перешагивала женщина, считался оскверненным. Его тоже очищали огнем. Если что-нибудь съестное упало днем, то существовало поверье, что его уронила «нечистая сила». Поэтому его ели только женщины. Когда что-нибудь падает ночью, то полагали, что его уронил «бог», который в темноте не заметил. Поэтому такое съестное мог употреблять в пищу и мужчина, поддержав над огнем. Если у кого-нибудь, особенно у детей, появлялась во рту или на губах болячка или же язвочка, то ко рту подносили огонь, иногда с можжевельником, ибо полагали, что после этого язвочки заживут. Часто употребляли отвар лишайника («шаган будуг») наружно для лечения язвочек кожи и слизистых оболочек.

Если кто-нибудь в семье был болен, то иногда в огонь подсыпали на ночь соли, полагая, что таким путем можно изгнать «нечистых сил».

Свои иконы (бурханы) калмыки защищали от всяких скверн, периодически окуривая их можжевельником. Употребление можжевельника как средства, имеющего магическую силу, было и у древних славян.

Во время эпизоотии скота ночью вокруг стада разводили костры и подсыпали в них соль. Утром пропускали скот между двух огней с солью, чтобы отогнать «нечистые силы», которые распространяют болезнь — мор.

Некоторые калмыки, возвращаясь к себе домой издалека, пропускали как себя, так и свою подводу со всем багажом между двух огней. По верованию калмыков, всякого человека, особенно женщину, едущую издалека, сопровождают «нечистые силы», от которых можно освободиться только вышеуказанным способом.

Главная причина этой процедуры, по всей вероятности, заключается в боязни — возможности колдовства злонамеренных лиц и в желании освободиться от него.

По-видимому, на этом же поверье был основан обычай монголо-татар, когда прибывших на поклон к хану «Золотой Орды» русских князей пропускали между двух огней, чтобы устранить их магические влияния на хана, если вздумали бы это сделать.

Считалось дурным предзнаменованием, если случайно загорелось у кого-нибудь носильное платье. Никогда ни один калмык не согласится носить одежду, которая попала в огонь.

Таким образом, огонь являлся одним из главных средств, употреблявшихся калмыками против всего грязного и нечистого. Калмыки говорили: «Огонь да вода уносят все грязное и плохое».

ОХОТА

Не всякое дикое животное и не на всякую птицу можно было охотиться. К некоторым из них калмыки относились с большим суеверием и страхом. Среди всех птиц лебедь пользуется наибольшим вниманием калмыков. Он считался самой благородной птицей. Его нельзя безнаказанно трогать. На него охотиться дано не каждому. В лебедя могли стрелять только люди «благородные» из «белой кости». Если бы вздумал стрелять в лебедя простолюдин, то он должен был непременно соблюсти некоторые правила. Калмыки говорили, что на лебедя нельзя охотиться и потому, что лебеди слишком привязаны друг к другу. Так, они уверяли, что если убить самку, то самец падает на землю с большой высоты и разбивается вдребезги. Человек, стреляющий в лебедя, должен был сказать: «Я стреляю в тебя по приказу моего нойона или зайсанга такого-то». Имя последних непременно должно было произноситься вслух. В противном случае может произойти большое несчастье с этим человеком и всей его семьей. Если выстрел оказывался удачным, то убитого лебедя охотник, за редким исключением, сам не употреблял в пищу, а отвозил зайсангу, нойону или духовному лицу. По калмыцкому поверью «благородную» птицу могли есть только люди «благородные», а не простые смертные. На убитого лебедя надевали особую узду. Привезенный в таком виде нойону лебедь клался в передней части кибитки на сундуке. Охотника обычно щедро одаривали. Большей частью ему давали лошадь. Весть о подарках быстро распространялась по всей степи. Об этом уже говорили всюду. Нойон или зайсанг, получивший лебедя, делался центром всеобщего внимания. Ведь не всякому приносят лебедя. Подобное обстоятельство вызывало зависть у других нойонов и зайсангов.

Воспрещалось охотиться и на журавлей, трогать яйца или птенцов.

Если иногда дети приносили яйца журавлей, то родители сильно беспокоились и заставляли отнести обратно. Калмыки были в полной уверенности, что журавли способны заклинять. При этом считали, что их заклинания всегда достигают своей цели. Особенно сильным заклинанием, по поверью, обладают бугровые журавли. Вера в заклинание журавлей была так сильна, что даже полет журавлей над хотоном производил суматоху.

Как только слышат, бывало, голоса журавлей над хотоном, то из каждой кибитки выходили с водой и плескали на них. Веру в заклинание журавлей среди населения поддерживало духовенство. Часто оно в своих священных книгах находило объяснение того или иного несчастья, особенно случившееся с детьми, в заклинаниях журавлей.

Не разрешалось стрелять в сайгаков, когда они стоят кучкой на одном месте. Полагали, что в кучу их собрал хозяин земли, он же хозяин и всех животных (Цаган ёбуген) — «белый старик». По этому поводу существует легенда. Какой-то калмык охотился на сайгаков. В одной котловине, между двух бугров он увидел большое количество сайгаков. Подкрался к ним близко и стал стрелять. Сайгаки от его выстрелов не разбежались, и пули из его ружья возвращались обратно и падали около него. Калмык удивился такому явлению и стал внимательно смотреть. Наконец, он увидел «белого старика», который доил их. «Белый старик» пригрозил ему и сказал, чтобы он больше не стрелял, когда сайгаки стоят в куче. Отсюда якобы и поверье — не стрелять в них, когда они находятся в куче.

Воспрещалось кому бы то ни было подъезжать к чужой кибитке, везя с собой хищных животных (лисицу, волка и т. д.). Если кто-нибудь приезжал к кому-нибудь с этими животными, то он непременно должен был подарить их хозяину кибитки, иначе могло случиться, по мнению калмыков, большое несчастье.

Всякий уважающий себя человек никогда не должен был стрелять в ворон. Считалось, что после такого выстрела ружье «оскверняется».

Если охотник подстрелит дичь или животное, он непременно должен был смазывать кровью убитых дуло, курок ружья и дать немного крови своей собаке или же смазать ее пасть. Существовало поверье, что после этого ружье будет стрелять лучше.

Всякий охотник, когда он входил в чужую кибитку, должен был оставить ружье снаружи кибитки. Если же по той или иной причине его вносили в кибитку, то дуло непременно должно было быть обращено наружу. При выносе ружья из кибитки соблюдалось то же правило.

На выдру полагалось охотиться с осторожностью. Она якобы имеет привычку — непременно пробежать между ног человека. По верованию калмыков, человек, у которого между ног пробежала выдра, становился неспособным к половой жизни. На основании этого рекомендовалось охотникам бить выдру, крепко

прижав ноги друг к другу с таким расчетом, чтобы не было между ними промежутка.

Не рекомендовалось охотиться на перелетных птиц, особенно весной, когда они возвращаются на юг.

РЫБА

Среди калмыков-рыбаков было поверье, что если в лодку прыгнет рыба хищных пород, например, окунь, щука, судак, то это дурная примета, она предвещает большое несчастье. Попавшую в лодку рыбу ловец обычно разрезал на четыре части и бросал на север, юг, восток и запад, говоря: «Пусть обратятся беды на нее, пусть они исчезнут с ее гибелью и рассеются повсюду». По мнению рыбака, острые зубы таких рыб направлены на него и они могут нанести какой-нибудь вред. Благодаря низким бортам речных лодок, рыба легко попадает в них. Точно так же рыба прыгает в лодку, когда лодка идет около берега у камней. Большой частью в лодку попадают хищные рыбы, которые обычно стерегут в камышах, на мелком месте мальков и прочих мелких рыб, кроме того, вообще эти хищники любят пребывать возле камыша. По представлению калмыка, сазан будто бы бывает недоволен, если его голову едят женщины. Он, якобы, говорит: «Хотя губите мою душу, но золотой рот мой не давайте женщинам». Если не соблюсти этого желания сазана, то, по мнению калмыка, душа сазана страшно обидится, и эта обида передастся другим живым сазанам. Вследствие этого лов должен ухудшиться.

Калмыки не клали рыбу в кибитке головой к двери. Считали, что это дурная примета — рыба наружу, т. е. стремится уйти. Отсюда делали вывод, что лов должен быть плохим, так как все это передается другим рыбам, и хозяин будет терпеть недостаток. При плохом лове пойманную рыбу некоторые калмыки выпускали в воду, полагая, что будет удачный улов рыбы.

Воспрещалось касаться рыбы кнутом или плетью, ибо по верованию калмыков подобная вещь отрицательно влияет на лов рыбы, — обиженные таким обращением, рыбы уходят подальше от таких мест. Считали, что нельзя дотрагиваться кнутом или плетью до орудий лова неводов и сетей, рыба также будет плохо ловиться. Нельзя мучить рыбу, ибо царь воды, узнав об этом, по убеждению калмыков, прекратит хороший лов. Чтобы был хороший лов, каждый ловец до начала лова бросал в воду серебряную монету, как жертву царю воды, чтобы он дал хороший лов, при этом он обращался к нему с обнаженной головой, молитвами и поклонами. Самым хорошим

способом ловли рыбы считался лов посредством сетей. Сети, по мнению калмыков, рыбу получают от «царя воды» с просьбами, невода же поступают по отношению к нему некорректно — они отнимают от него рыбу, не спрашивая на то разрешения. Поэтому калмыки считали неудобным ловить рыбу неводами, ибо тем самым приходится обижать «царя воды». Самым отрицательным образом относились калмыки к рыбной ловле удочками, т. к. этот способ ловли рыбы мог привести к дурным последствиям в дальнейшей жизни человека, лов рыбы удочкой сравнивался с выпрашиванием милостыни. Поэтому калмыки категорически воспрещали ловить рыбу удочкой. Родители бывали страшно недовольны, если замечали своих детей с удочками. Самым дурным предзнаменованием считалось, если в неводах попадаются черепахи и змеи. У калмыков-рыболовов одним из худших пожеланий являлось выражение: «Пусть твой невод притянет черепах и змей». Если черепахи и змеи попадались в сети несколько раз, то хозяин часто приглашал ге-люнгов на изгнание нечистой силы молитвами.

Некоторые рыбы, по убеждению калмыков, обладают целебными свойствами. Так очень высоко ценилась минога. Она входит в состав лекарств от многих болезней. Нам известен случай, когда один калмык в Эркетеновском улусе поймал миногу и ее отвез местному лекарю. Он получил за нее 25 рублей (это было в 20-х гг.).

Таким же целебным свойством обладает и судак. Им лечат больных, прибывших из рыбных промыслов.

ЖИВОТНЫЕ

Лошадь — самое любимое животное скотовода. Он бережет и холит ее, как только может. Хорошая лошадь — гордость владельца. Для степняка поскакать, поездить, пронестись вихрем на хорошей лошади — любимое занятие. Иметь хорошую лошадь — цель и стремление каждого калмыка. Жизнь калмыка-кочевника была тесно связана с его лошастью. Калмыки полагали, что если издохнет любимая лошадь хозяина, то это значит, что она пала вместо своего хозяина. По верованию калмыков, она может заменить собой хозяина. Несмотря на то, что лошадь играла крупную роль в жизни калмыков, все же верования и обычаи, связанные с ней, незначительны. По убеждению калмыков, там, где существуют лошади, никогда не должны прекращаться набеги, разбои и всевозможные беззакония и войны. Так, они рассказывали, что некогда царь страны, где население не использовало исключительно коров, отказался при-

нять лошадь царя, подданные которого пользовались только лошадьми. Причиной к этому якобы послужило заключение, которое дали мудрецы этого царя. По анализу и исследованиям этих мудрецов лошадь именно оказалась тем животным, которое имеет копыто, по твердости приближающееся к железу, поэтому, где имеется лошадь, т. е. животное, имеющее такое копыто, по мнению жителей той страны, никогда не должны прекращаться всякие распри и набеги. На основании этого заключения царь отказался от лошадей. Этот рассказ как нельзя лучше рисует жизнь калмыков-кочевников. Калмыки говорили, что хорошая лошадь хорошо действует на мысли мужчин, меняет его взгляд.

По представлению калмыков, количество лошадей одного хозяина не должно было превышать «десять тысяч голов». Согласно их верованиям при превышении указанного количества появляется якобы жеребенок с золотыми копытами. Последний ударами своих копыт угоняет лошадей в безлюдную и необитаемую пустыню. Вследствие этого суеверия, как рассказывали калмыки, ни один крупный коневод не имел лошадей больше десяти тысяч. По-видимому, это поверье более позднего происхождения, т. е. оно возникло после того, когда численность скота у калмыков стала значительно сокращаться, иначе говоря, оно возникло в то время, когда десять тысяч лошадей по условиям общего развития скотоводства были уже цифрой внушительной.

В калмыцких преданиях и сказках говорится, что были крупные богачи, которые имели лошадей десятками тысяч и не боялись, что их угонит жеребенок с золотыми копытами.

Так говорится, что жил некто Намжил-Улан Авго, имевший под лучами восходящего солнца восемьдесят тысяч лошадей. Все это подтверждает, что миф о жеребенке с золотым копытом имеет позднее происхождение.

Лошадь в калмыцких сказках всегда рисуется как животное, обладающее сверхъестественной силой. Она быстра, как ветер. Пыль, поднимающаяся от ее бега, доходит до небес, и комки земли, отбрасываемые копытами, образуют целые горы. Кроме того, они владели речью и являлись всегда помощниками и советниками своих хозяев. Сила и могущество хозяина передавались также и лошади. Так, в сказках всегда указывается, что, чем сильнее и могущественнее владелец коня, тем большим могуществом владеет и его конь. Такое же свойство коням приписывали и древние славяне.

Лошадь — это, по обычаям калмыков, почти святое существо, которое делает далекие расстояния близкими. В безбрежной степи, где отсутствуют другие более или менее удобные и быст-

рые средства передвижения, жизнь кочевников во многом зависела от качества лошади, — выносливости, резвости и пр.

Существовало поверье, что единственный сын отца не должен ездить на лошади, у которой одна нога белая. По поверью калмыков, такая лошадь имеет вредное влияние на владельца. Они также с большим предубеждением относились к кровотечению из носа лошади. Если владелец лошади заметит, бывало, что из носа лошади идет кровь, то без малейшего колебания отдавал ее хурулу. Только редкие лица — бедняки не жертвовали, а продавали ее. Вместе с тем, приглашались гелюнги, которые должны были отслужить определенную молитву, предотвращающую надвигающееся на данного человека несчастье. Лошадь являлась самым любимым животным и поэтому хозяин боялся, что у него возникнет кровотечение, из-за которого он может умереть. Между тем кровотечение из носа лошади — вполне возможный факт. Оно может возникнуть от физического напряжения, от ранений слизистых оболочек носа травой и целого ряда других причин. Большим несчастьем считалось, если кобыла ожеребится двумя жеребятами. Это считалось таким дурным предзнаменованием, что его ни с чем нельзя было сравнить. Такую кобылицу немедленно отдавали хурулу. Что касается жеребят, то их убивали и бросали на съедение собакам. Если бедняки-калмыки оставляли такую кобылицу, то только после соответствующего богослужения.

Из мелких верований, касающихся лошади, можно отметить следующие. Так, ни в коем случае не допускалось седлать лошадь без («кевца») подушки на седле. Без подушки («кевца») лошадь седлали только тогда, когда жертвовали ее хурулу на помин души ее хозяина. Лошадь обычно не привязывали за «зель» (веревка, перетянутая между двумя кольями для привязи телят, коров, и т. д.). Это считалось неприличным, исключение составляли жеребята дойных кобылиц. Точно так же не привязывали ее к кибитке по той же причине. Лошадь — единственное животное, которое можно держать за повод, сидя в кибитке. Каждый приезжий должен был стреножить свою лошадь согласно этикету кочевника в нескольких десятках шагах от кибитки. Садиться на лошадь нужно было всегда с левой стороны и вдевать ногу в стремя спереди его. Не разрешалось касаться головы лошади и бить ее. Нельзя было также бить лошадь уздой и чумбуром. Существовало еще поверье, что лошадь, у которой все четыре ноги белые, непременно должна быть быстрой. Калмыки говорили, что в священном писании якобы указано, что если такая лошадь не будет быстрой, то она должна непременно потерять свои ноги. Некоторые калмыки не ездят

ли на лысой вороной лошади. Полагали, что такие лошади не предвещают никому ничего хорошего.

Калмыки предпочитали ездить на конях. Жеребцы, по мнению калмыков, годятся на недалекие расстояния. Самые выносливые животные — это — кони, поэтому лицам, уезжающим в далекий и трудный путь, всегда рекомендовали коней.

Верблюды у калмыков считались не только выносливым животным, но и очень нежным. При рождении верблюжонка некоторые лица не пускали к себе в кибитку посторонних. Если у верблюдицы рождались двойни, то это являлось самым хорошим предзнаменованием, т. к. это предвещало не только богатство и счастье данному хозяину, но и всей стране. В прежнее время, когда еще управлялись ханами, нойонами и зайсангами, они немедленно ставили их в известность о двойне у верблюдицы. Владелец верблюдицы освобождался не только от всех податей и повинностей, но получал большие подарки. Мы склонны объяснить это тем, что верблюжье поголовье вообще отстаёт в своем приросте от домашних животных. Отсюда ясно, что двойня, содой стороны, это — вообще редкое явление, а с другой, — оно способствовало увеличению поголовья дефицитного животного.

Корова, которая мычит больше, чем другие, считалась негодным и вредным животным для хозяина, особенно, если она мычит ночью. Такую корову отдавали хурулу или же при первой возможности продавали. Считалось дурным признаком, если корова стремится подняться на кибитку. Такую корову тоже отдавали хурулу или продавали. Если корова, смотря на человека, мычала, то ее били и бросали на нее песок, говоря: «Пусть все дурное обратится на тебя самое». Коровы черной масти были не в почете у калмыков. Считали, что в них есть что-то «нечистое».

Коза считается животным, ведущим свое происхождение от «нечистых сил». По верованию калмыков, запаха козла страшно бояться «нечистые силы» и туда, где есть козел, они не ходят. Такое же поверье существовало и у русских крестьян. Мясо и молоко козы были не в почете у калмыков. Молоко ее считалось горьким и жидким. Мясо же и особенно жир козы быстро остывает и потому считалось малоприспособленным к употреблению. Мясо же барана считалось наилучшим, даже лекарством. Особенно ценился в этом отношении бульон — «шелюн» из свежей баранины. Благодаря этому поверью калмыки сплошь и рядом поили больных, независимо чем бы они не болели, бульоном (шелюн). Из-за такого «лечения» наблюдались смертные случаи, в особенности, когда такой суп давали при желудочно-кишечных заболеваниях (дизентерия, брюшной тиф и т. д.). Большое значе-

ние придавалось случаям попадания ногой в яму барана или козы. Калмыки полагали, что эти животные сунуть ногу в яму могут только в результате козней «нечистых сил», т. к. такие случаи предвещают большие несчастья своему хозяину, и хозяин не имеет права трогать и помогать животным освободить ногу из ямы. Подобная помощь может навлечь несчастье.

Калмыки очень бережно относились к сосункам (ягнята, телята). До тех пор, пока они не подрастут, их на мясо не резали. Что же касается телят, то их совсем не резали на мясо. Мотивы к этому были: они (сосунки) беззащитные, невинные, как дети, так что ни одна рука человека не поднималась на них. Другой мотив — будет страдать matka, грешно разъединять мать и сосущее ее молоко — существо, безразлично, животное это или же человек. Каждый скотовод знал, что зарезанный на мясо сосунок, ничего ценного собой не представлял. Мяса ему не хватит даже на одну варку, если принять во внимание тот факт, что резать сосунков на мясо невыгодно. На этом же, несомненно, было основано и другое правило — не резать, и вообще не убивать стельных животных как крупных, так и мелких, а резать их на мясо только к концу осени или в начале зимы (на зимний запас), когда они бывают жирными. Обычно это мясо коптили на зиму.

Калмыки очень бережно относились к ягнятам. Они считали, что ягненок требует больше ухода и заботы, чем козленок. Калмыки раньше почти не доили овец. Доили их только те, кто не имел другого источника для получения молока. Доили овец с соблюдением некоторых правил. Ягнята отделялись от матки только до полудня, после их пускали в стадо. Доеение наблюдалось только в небольших хозяйствах. Если это происходило в крупных хозяйствах, то эта часть овец отбивалась. Считалось, что доеение овец сильно влияет на их рост и упитанность, и что оно чревато для них большими последствиями.

Во время окота калмыки обычно прикочевывали в такую местность, где легче поить и пасти животных. Выбирали такой водопой (реки, озера и т. п.), чтобы и ягнята могли пить воду свободно. Если стадо находилось далеко от колодца или других источников водоснабжения, то заботливые хозяева поили овец даже привозной водой. Это возможно было в небольших хозяйствах.

Верблюжат калмыки считают очень хрупкими и нежными.

Они в этом отношении их сравнивают с детьми. Хрупкими считаются у калмыков дети в возрасте 1—1,5 года. Поэтому они говорят: «Верблюжата и дети одного и полутора лет одинаково хрупки». Калмыки к верблюжатам относились очень внимательно,

кормили их по несколько раз в ночь, в холодное время их укутывали. Многие калмыки привязывали на шею верблюжат специально для этого заказанные талисманы — «бу» для предохранения от покушений «нечистых сил».

Собака — самый близкий друг кочевника. Она — верный караульщик скота — основного богатства кочевника. Собака играет такую большую роль в жизни кочевника-скотовода потому, что она кажется ему чуть ли не членом семьи и воплощением душ близких родственников. Недаром убийство собаки у калмыков приравнивается к убийству человека. Но все же они иногда очень сурово и безжалостно относились к своему неразлучному другу — собаке. Собаку, которая выла, убивали. Считалось дурным предзнаменованием, если собака оставляла своего хозяина и уходила к другому. Бывший хозяин не стремился даже взять ее обратно, полагая, что она, не признав своего хозяина, тем самым предвещает ему смерть. Хорошим предзнаменованием считалось, если пристанет к семье какая-нибудь другая, посторонняя собака. Калмыки верили, что такие собаки своим присоединением дают знать, что хозяйство данного человека будет процветать и корма хватит всем. Большим грехом и дурным предзнаменованием считалось, если собака полезет или сделает намерение полезть на кибитку. Не возбранялось, если эта же собака поднималась на кибитку, гоняясь за кошкой. Собаку, норовившую подняться на кибитку, убивали. Калмыки полагали, что она, пытаясь залезть на кибитку, тем самым хотела залезть на самого хозяина, т. е. хочет удавить, загрызть его. При подобных случаях обычно приглашался гелюнг, который должен был предотвратить надвигающуюся опасность чтением молитвы. Если собака ляжет на спину, повернув живот кверху, то это считалось хорошим предзнаменованием, говорили, что хозяину кибитки должно повезти в предпринимаемых им делах. В таком случае на живот собаки бросали творог или наливали молоко со словами: «Пусть будет большой доход».

Калмыки говорили, что кошка — самое благородное животное, ибо когда она ест, то ни на кого не обращает внимания, даже не смотрит на того человека, который кормит ее, и всегда закрывает глаза во время еды. Считалось грехом бить кошек и особенно убивать их. Если кошка умывается, то это примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских.

Кошка считалась «собакой бога» и «гелюнгом животных». В то же время существовало поверье, что там, где есть кошка, должно быть несчастье с детьми, ибо кошка всегда желает, чтобы кроме нее не было никого, кого можно было бы ласкать.

Волков калмыки считали «собаками неба». Они будто бы нападают на скот того человека, который чем-нибудь разгневил небо. Поэтому калмык не должен был жалеть тот скот, который у него порезали волки.

Предвестником несчастья считалось также, если на человека залает лиса. Мясо лисы калмыки не употребляли в пищу.

Змея — одно из несчастных творений природы. В змею, по убеждению калмыков, перерождаются души самых грешных людей. Змея всегда предвещает и приносит несчастье человеку. Поэтому ни один калмык, бывало, не пропустит мимо себя ни одной змеи, чтобы не убить ее, особенно, если она пересечет ему дорогу.

ЖЕЛЕЗО, ЗОЛОТО, СЕРЕБРО

Еще несколько десятилетий тому назад калмыки считали верхом неприличия, если мужчина не имел при себе ножа. Каждый калмык раньше носил при себе нож. Нож являлся неотъемлемой принадлежностью мужчины. Мужчина, который не имел при себе ножа, сравнивался с женщиной. Нож носили прикрепленным к поясу с левого бока, в специально сделанном футляре из дерева и покрытого сафьяном. Нож использовался калмыками не только по прямому назначению, но и для предохранения от «нечистых сил». Например, во многих семьях ночью, перед сном, против подушки детей втыкали нож, острый край которого направлен к двери. Так же поступали, если кто-нибудь был болен. По убеждению калмыков «нечистая сила» так же, как и человек, боится ножа. Воспрещалось без надобности точить ножи. Когда точили ножи без цели, то большинство калмыков произносило: «Хочу резать горло своему врагу». По существовавшему поверью, если не произнести этих слов, то эту семью ждало крупное несчастье: кто-нибудь из членов семьи зарежется или его зарежут. Точение ножа всегда связывали с предстоящей схваткой: нападением, защитой и т. д.

Во время грозы и сильного грома калмыки ударяли о два куска железа и другие предметы, издающие громкий звук. «Джахна, Джахна, хологар» — «Джахна, Джахна, подальше». На вопрос, кто такой «Джахна» — калмыки отвечали, что это «лу» — дракон. По мнению калмыков, звук, получающийся от ударов двух железных предметов, отгонял дракона, и кибитка находилась в безопасности от ударов молнии.

С золотом и серебром также были связаны обычаи и верования. Золото и серебро считались у калмыков так же, как и у других народов, благородными металлами. По обычаю калмыков, человек нашедший золотую монету, должен был пожертво-

вать ее хурулу целиком или в крайнем случае часть, иначе нашедшего ждет якобы какое-нибудь бедствие. По этим причинам калмыки были не рады, если случайно находили золотую монету. Кроме того, золото употреблялось как «лечебное средство». Калмыки уверяли, например, что «стригущий лишай» излечивается от прикосновения золотой монеты. Они считали, что серебро имеет громадную силу против нечистого духа, по их верованию «нечистая сила» не в состоянии поднять самую легкую серебряную монету. Под ее тяжестью она падает и теряет способность двигаться. Поэтому, по мнению калмыков, всегда надо было иметь при себе серебряную монету. В подозрительных случаях надо взять ее в руку и от времени до времени обводить ею вокруг себя. В таком случае якобы «нечистая сила» не осмелится подойти к человеку.

ДУША

В старину калмыки не могли объяснить себе многих явлений природы. Для них мало или совсем непонятной была закономерность и причинность окружающих их и действующих на них явлений природы. Им казалось, что всеми явлениями природы руководит «кто-то» свыше. Иными словами, будучи не в состоянии объяснить явления природы, они одухотворяли их. Не отделяя и не противопоставляя себе природе, они полагали, что все в природе — и человек, и животное, и растения — состоит из «души» и «тела». Животные (вообще все «живое») и «растения» погибают, как и человек, когда их оставляет «душа».

Калмыкам душа человека представлялась маленькой копией самого человека, она помещается будто внутри человека. Калмыки верили, что душа находится в теле в вечном движении и что в определенные дни, и даже в определенное время дня она бывает в определенных местах человеческого тела, но благодаря своей незначительной величине она может находиться даже в кончике пальца, поэтому самое поверхностное ранение может вызвать смерть человека вследствие ранения самой «души». Когда пытались отрицать их поверье, калмыки с еще большим упорством защищали мнение о существовании «души». Душа, по их мнению, свободна. Она может оставить тело человека, когда ей угодно. Так, некоторые лица якобы наблюдали, как у спящего человека из носа выползала душа в виде «паука».

На основании такого взгляда калмыки считали преступлением и грехом убивать «пауков», ибо, мол, никто не уверен, что какой-нибудь паук не является «душой» того или иного спящего человека.

Если душа оставляет человека во время сна, то калмыки говорили, что нельзя будить внезапно громким криком или каким-нибудь другим способом. Полагали, что при таких случаях душа может не успеть вернуться обратно в тело и что результатом этого может быть смерть.

Выходом души из тела калмыки объясняли и сновидения. Душа во время сна человека выходит и гуляет, а человеку в это время снится все, что она встречает во время своей прогулки. По их поверью, выходя из тела, душа может и не возвратиться обратно, особенно, если ее чем-нибудь испугали. В таких случаях возникал вопрос о необходимости просить и звать душу возвратиться. Здесь нужно было спешить: «душа» может уйти далеко или даже «одичать», после чего призвать ее обратно было затруднительно. Душа может не возвратиться, несмотря на все просьбы. Кроме того, если душа успевала «одичать» на воле, то, если даже она и возвращалась, человек делался ненормальным. Душа человека может покинуть его тело не только во время сна, но даже тогда, когда он бодрствует. Несколько слов о тех верованиях, когда душа может уйти далеко или не возвратиться. Как узнать, что душа ушла у человека? Калмыки считали, что человек, у которого ушла душа, становится малоразговорчивым, замкнутым, нелюдимым, постепенно худеет, работа у него валится из рук и вообще он представляет собой явно больного человека. Для окончательного разрешения вопроса приглашался гелюнг, который устанавливал по своей священной книге — ушла ли душа и что случилось с человеком. Большей частью сообразно с настроением как самого больного, так и его близких гелюнг разрешал этот вопрос в ту или иную сторону.

По мнению калмыков, душу мог вызвать обратно только духовное лицо, священник-гелюнг, так как только он знает необходимые молитвы, а без них душа не может возвратиться. Молитва же направляет душу и указывает ей путь. Для зова души существовал несложный ритуал. Обычно приглашался один, а иногда и два гелюнга; покупали заднюю ногу барана и варили ее, причем берцовая кость варилась целиком без всяких повреждений. Когда нога сварится, то мясо ее съедалось как гелюंगा, так и всеми присутствующими. Кость тщательно очищалась от мяса. После этого ее подвизывали к передней части кибитки — перед иконами. Обычно эта процедура проводилась так: брали небольшую палочку коромысла, причем оба конца палочки должны находиться в полном равновесии. На обоих концах палочки, на веревках привязывали с одной стороны указанную выше берцовую кость, а с другой — шапку больного, куда клали конфеты. Как шапка, так и «кость» должны

находиться в полном равновесии. В таком виде оставляли эти весы на трое суток. В первый день гелюнги читали соответствующие молитвы, которые должны-де показать дорогу душе. Кроме того, из теста делали всевозможные фигуры, зажигали лампаду перед иконами и заставляли как больного, так и всех присутствующих молиться. Вся эта процедура должна была подействовать на заблудшую душу и направить ее на верный путь. Слыша слова молитвы, она должна, мол, догадаться, что в ней нуждаются и просят ее возвратиться. Во время чтения молитв кто-нибудь из присутствующих, согласно указанию «священной книги», выходил из кибитки. Он должен был три раза обойти кибитку кругом медленными спокойными шагами и звать душу. Обычно он, обходя кибитку, выкрикивал имя больного и просил прийти душу обратно, так как ее кибитка здесь. Предположим больного зовут Бадма, тогда обращение звучало так: «Бадма, иди ко мне, твоя кибитка здесь».

Как узнать, что душа возвратилась? Признаком возвращения души считалось нарушение равновесия коромысла весов; шапка перетягивала берцовую кость, так как, возвратившись, душа, по предположению калмыков, сначала прячется в шапке и лакомится конфетами, которые были положены туда. За трое суток при обилии пыли и песку в кибитке шапка успевала отяжелеть, чтобы перетянуть кость. Это видно из того, что шапка перетягивала кость не сразу, а постепенно. К тому же за трое суток и сама кость успевала высохнуть. Она теряет всю влагу, которую имела первоначально. Отсюда ясно, что «кость» становилась легче, а шапка тяжелее. Между тем этот очень простой факт казался калмыкам чем-то сверхъестественным и необыкновенным. По поверью калмыков, уход «души» из тела, против ее желания, может произойти только насильственным путем. Одним из таких путей, по мнению калмыков, являлась молитва.

ЗНАХАРИ

В калмыцкой степи знахарей было много. Некоторые знахари были очень дерзки и наглыв.

В Эркетеневском улусе был следующий случай, свидетелем которого пришлось быть самому автору. Один из ворожеев был приглашен к больному калмыку. У него был застарелый вывих плеча. Калмык обращался ко всем, но безрезультатно. Прибывшего ворожеев накормили, напоили аркой и уложили спать, ибо он объявил, что ночью будет говорить во сне с «белым стариком» — своим покровителем. Чтобы «белый старик» был в «курсе» дела, он предложил, чтобы ему поставили «постель» вместе

с больным. На другое утро ворожеев встал рано, проверил весь скот больного, у которого кроме коз ничего не было. Во время чаепития ворожеев заявил больному, что среди его коз имеется одна, ненастоящая коза, а «нечистая сила». До тех пор, пока она будет у больного, он не выздоровеет. Козу надо отдать ему (ворожеев) и тогда все кончится благополучно. Больной робко заметил, что среди коз имеются и чужие и может ли «нечистая сила» засесть в чужой козе. Ворожеев неосторожно уверил, что нечистая сила может быть только в козе больного и, кроме того, он сразу узнает ее. Все вышли к козам. Ворожеев указал на самую лучшую козу. Она оказалась чужой. Но он не смутился и указал на другую козу. И эта оказалась чужой. Указал на третью, четвертую и они оказались чужими. Все присутствующие и, главным образом сам больной, усомнились в его знаниях и отошли от коз. Чтобы не обидеть знахаря, ему обещали привезти козу после.

Точно так же ворожеев «помогали» иметь детей бездетным людям. Обычно бездетные прикочевывали к ним со своей кибиткой. Часто лица, жаждущие детей, сидели годами около этих ворожеев и совершенно разорялись. Духовенство тоже «помогало» таким бездетным иметь детей. В большинстве своем все эти «творители детей» сожительствовали со своими пациентками, если бездетность зависела от бесплодия мужей, вполне понятно, что через известный промежуток времени после сожительства ворожеев с женами этих мужей, никогда не рожавшие женщины, рожали. Последнее обстоятельство производило сенсацию, и слава «творителя детей» далеко распространялась среди населения не только в данной местности, в улусе, но и даже и в других улусах, на сотни верст кругом. Несомненно, что к такому ворожеев люди, жаждущие иметь детей, стекались со всех сторон с богатыми дарами, ворожеев богател не по дням, а по часам.

Многие калмыки не предполагали, что отсутствие детей зависит главным образом от бесплодия одного из супругов, вызванного многими, в особенности перенесенными ими разными хроническими болезнями. Большей частью ворожеев объявляли одним из больших препятствий к рождению детей то, что якобы некоторые женщины имеют незаметные для несведущих людей пятна на бедрах и в области половых органов. Только по уничтожению их, как они уверяли, данная женщина может иметь детей. При таких случаях ворожеев заставляли женщину раздеться и «выковыривали» эти пятна иглами. Конечно, действие происходило в помещении, куда никто не должен был входить. Эти действия способствовали главным образом сожительству ворожеев со своими пациентками.

Когда хотели узнать, найдется ли пропавшее животное или вещь, придет ли то или иное лицо, прибегали большей частью к палочке и шарикам, которые применялись в различных манипуляциях. Ворожей по четкам также отмеряли четверть и считали. Получалось известное сочетание. Комбинируя его, приходили к тому или иному заключению. Что касается серебряной монеты, то ворожей ее ставил перед собой гербом вверх. Смотри долго, пристально на монету, шептал что-то, плевал в сторону и после этого начинал объявлять, что мешает выздоровлению, если человек больной, что нужно ему передать, что нужно вообще сделать, и т. д. Наконец, сновидения. Ворожей уверял, что во сне ему становится ясным, куда делась пропавшая вещь, причина болезни того или иного лица и т. д., ибо ему в этом не только помогает «белый старик», но сами вещи приходят и рассказывают, где они и что происходит с ними.

ТАЛИСМАНЫ И АМУЛЕТЫ

У калмыков было поверье, что некоторые люди, владеющие талисманом или амулетами, неуязвимы для пули. По мнению калмыков, необыкновенной силой, предохраняющей их от пули, является амулет «кюкюн цаган мирде»; «амулет — святая девушка». По убеждению калмыков, таких «мирде» во всем монгольском мире было всего четыре. Из них два «мирде» во времена перехода калмыков из Джунгарии на Волгу попали в калмыцкую степь. Затем эти «мирде» несколько раз переходили из рук в руки некоторых нойонов и зайсангов, из которых каждый стремился овладеть этими невероятно «чудодейственными» «мирде». Рассказывали, что в свое время эти амулеты имели баснословную цену. За них давали сотни баранов. Калмыки полагали, что этими «мирде» владели харахусовский зайсанг, известный бандит в годы гражданской войны Менгетыев и не менее известный среди калмыков нойон Тундутов. Калмыки были в полной уверенности, что эти два лица застрахованы от пули и никогда не предполагали, что можно было поймать и убить бандита Менгетыева. Многие не хотели даже этому верить. Слишком глубоко была вера в чародейственную силу «мирде» и их непогрешимость.

Если «мирде» являлись величайшей редкостью и достоянием единичных избранных лиц, то другой амулет — «бу», который носили почти все калмыки, такой редкостью не являлся. Его можно было заказать священнику. За него брали не так дорого и поэтому «бу» можно было иметь всякому бедняку. Его носили на шее на тесемках. Сам «бу» представлял из себя четверть

листа бумаги, где начерчено много линий всевозможных фигур и круги с надписью на тибетском языке. В некоторых из них были нарисованы изображения бурханов. «Бу» имел, по поверью, универсальную способность предохранять от всех и всего, например, защищать от нечистых сил, предохранять их от молнии и испуга. Поэтому, многие калмыки носили их по несколько штук. К «бу» многие пришивали еще наконечники стрел, т. к. калмыки их принимали за стрелы дракона — «лу бугин сумн» — «пули ружья дракона». Эти наконечники, по верованию калмыков, предохраняли от ударов молнии. «Бу» носили также на руках (кистях) и на ногах. Еще вешали его в местах прикрепления решеток и на дверях, чтобы предохранить кибитку от проникновения в нее «нечистых сил». Некоторые состоятельные лица носили на шее в серебряном футляре изображение богов. Такого рода «бу» стоил гораздо дороже и влияние их якобы в сравнении с простыми было гораздо сильнее. С такими «бу» можно было бывать везде, не рискуя наскочить на какую-нибудь неприятность, вроде «нечистой силы» и т. д. Если по той же или иной причине какой-нибудь калмык не мог носить больше «бу», то он отдавал его хурулу или же привязывал к камышу или дереву в таком месте, где не бывает много людей, чтобы они не могли осквернить его.

В каждой кибитке имелся так называемый «дорж-джодбо». «Дорж-джодбо» — это сборник молитв, написанных на тибетском языке. К сожалению, с содержанием его мы не знакомы. Но, по убеждению религиозных калмыков, он предохранял данную семью от всех несчастий и являлся наилучшим защитником от всех невзгод. «Дорж-джодбо» в году несколько раз нужно было освящать. Тогда приглашался гелюнг, который читал его держа над огнем с можжевельником до начала обряда и по окончании его этот молитвенник бывал обычно завернутым в три ряда материи красного, желтого, синего или какого-нибудь другого цвета, кроме черного. Сверху завязывался лентой. Гелюнгу за чтение «дорж-джодбо» давали деньги и хорошо кормили.

Кроме «Дорж-джодбо» имелся еще другой амулет «кишгин кюрде», «кюрде» — (мельница) счастья». Он заказывался калмыками у гелюнгов за особую плату. «Кишгин кюрде» или — «кюрде для счастья» как будто помогало обогатиться данному хозяину, способствовало якобы собиранию богатства. Для многих, желающих разбогатеть, оно имело большое значение. «Кишгин кюрде» представлял собой небольшой твердый комоч. Он был завернут наглухо в войлок. Что там находится, никто не знал. «Кишгин кюрде» хранили обычно в одном ящике с «доржи-джодбо» и бурханами. Семья, имеющая «кишгин кюр-

де», была в полной уверенности в том, что она со временем разбогатеет.

Талисманы и амулеты также являлись одним из средств эксплуатации и одурманивания духовенством калмыцкого народа.

ДЕДЖИ

«Деджи» — это все то, что приобретают, покупают, едят, пьют или зарабатывают, за исключением чуть ли не одной только воды. Калмыки перед едой выбирали один кусок, который клался перед бурханами на столике в специально для этого сделанной чашечке или же просто на стол. Точно так же, когда пили чай, сначала наливали в чашечку для «деджи». По мнению калмыков, то, что налито или наложено в чашечку, идет на питание богам и предкам. «Деджи» убирали лишь после того, как все присутствующие кончали есть или пить. Убирали «деджи» обычно дети, оно принадлежит исключительно им, так как дети считаются невинными и чистыми, поэтому только они могут есть и пить остатки пищи богов. Если семья была бездетной, то «деджи» обычно давали детям своих соседей.

«Деджи» ставился обычно во время праздников или какого-нибудь семейного торжества, или при переезде на новое место.

«Деджи» приносились и хурулам. Первое масло, полученное весной, первая порция арьки при первой перегонке тоже передавали хурулам. В прежние времена каждый год обычно весной выезжал повар хурула (зама) с гелюंगाми или же сами гелюнги для сбора масла, шюрмюга (сушеный творог). Эти сборы давали большое количество масла, которое хватало духовенству на целый год. Каждый калмык старался пожертвовать как можно больше и лучшее масло, ибо за жадность, как он думал, бог мог жестоко наказать, погубив весь его скот. «Деджи» хурулам приносились от первого улова, от первой полочки и т. д. Часто можно было видеть калмыка, несущего в мешке чай, кренделей и прочее, купленные им на свои заработки в жертву хурулам.

«Деджи» приносились иногда и предкам. Такое «деджи» тоже передавалось хурулам, ибо пожертвованное им равносильно получению его умершим. Почти такое же значение имело и другое явление, так называемое «зулу-эргөхю». Каждый калмык, сварив чай, прежде чем его пить, брал немного чаю в чашке и шел к двери, затем он снимал шапку, одну (правую) ногу выставлял за дверь и правой рукой сбрызгивал чай над дверью. «Зулу-эргөхю» делали только из чая, который должен быть сварен до 12 часов дня.

СМЕРТЬ

Смерть человека, по поверью калмыков, наступала тогда, когда душа оставляла навсегда тело человека. Курьер царя ада, присланный за душой человека, вынимал ее (душу) через одно из отверстий человеческого тела, главным образом через рот, пропуская в тело тонкий, как волосок, крючок. Этим крючком якобы курьер рвет аорту, после чего наступала смерть, и курьер с душой отправляется к царю ада. К трупу воспрещалось прикасаться. К нему могло прикоснуться только лицо духовное, возглавляющее панихиду по покойнику. Только после этого могли прикасаться другие гелюнги и посторонние, принимающие участие в похоронах. Если человек умер с открытыми глазами, то это считалось дурным предзнаменованием, т. к. предполагали, что он зовет за собой других членов семьи или же жалеет об оставленном имуществе. Поэтому глаза покойнику зашивали или же клали на них медные монеты. Кроме того, жертвовали за упокой души такого покойника гораздо больше, чем это полагалось обычно.

При погребении соблюдались особые правила. Необходимо было, во-первых, определить по священной книге в какую сторону должна быть направлена голова покойника и какое расположение тела должно быть у него.

После похорон обычно устраивали поминки. По верованиям калмыков, вначале своего появления на земле, люди не умирали. Они ни о чем не заботились. Все необходимое давала им природа и без больших затрат сил. Была вечной весна. Люди только благоденствовали. Они не старели. Предельным возрастом было 15 лет. Вся дальнейшая жизнь человека протекала только в этом возрасте. Такая, вечно молодая жизнь стала людям надоедать. Они стали роптать и просить бога, чтобы он сделал людей солидными и старыми. После этого они перестали быть вечно пятнадцатилетними. Лета у них стали исчисляться сотнями и тысячами. В сказках упоминаются герои, которые имели по нескольку сот лет. Такая жизнь также стала надоедать людям. Они сами стали просить старости и смерти. Бог удовлетворил и это желание людей. Люди стали умирать на некоторое время. Они выходили из могилы молодыми и начинали снова жить.

Калмыцкая легенда повествует, что после того, как люди стали умирать, боги на своем совещании решили сделать людей снова бессмертными. С этой целью они приготовили святую воду, выпив которую человек должен был стать бессмертным. Приготовив эту «святую воду», боги куда-то отлучились. Карау-

лить оставили бога войны. В это время каким-то образом забрался сюда нечистый дух «Араха», который, выпив святую воду, на месте ее помочился. После этого он пустился бежать. За ним погнался бог войны. Долго он гнался за ним, но не мог его догнать. Наконец, он заметил, что Араха исчезает в бесконечном мировом пространстве, после чего не было никакой надежды поймать его. Тогда бог войны бросил в него свой меч. Меч разрезал Араха на две половины по поясице. Нижняя половина его тела скрылась в землю. Из нее, по верованию калмыков, пошли всевозможные «нечистые силы», гады и прочие неприятели людей. Верхняя же половина поднялась на небо. Ее бог войны поймал и привязал к железной телеге, находящейся на Луне. По убеждению калмыков, темные пятна на Луне есть ни что иное, как железная телега с привязанным к ней Арахом.

Когда бог войны гнался за Арахой, то Луна указала на него (Араха) рукой. Последний дал клятву, что он будет в году три раза проглатывать Луну. Солнце же указало на Араху кивком своей головы. За это Араха дал клятву проглатывать его один раз в три дня. Отсюда поверье о том, что затмение Луны, так и Солнца бывает не от того, что Земля известное время бывает между Луной и Солнцем, а от того, что Араха, сдерживая свое слово, попеременно глотает, то Луну, то Солнце. Во время затмения калмыки были в полной растерянности и страхе. Они были уверены, что если не помочь Луне или Солнцу во время их борьбы с Арахой, то может победить Араха, и тогда люди останутся в темноте. Как только начиналось затмение, люди зажигали костры, стреляли из оружия, кричали. Все это якобы только для того, чтобы испугать Араху. Духовенство читало молитвы, чтобы ослабить силу его. Так как Араха не имеет задней половины, то проглоченные им Луна и Солнце не задерживаются в нем и выпадают из него.

СНЫ

Большое значение в прошлом калмыки придавали сновидениям. В преобладающем большинстве они верили в них. Толкователями сновидений являлись обычно старшие в семье — бабушка, дедушка и т. д. В зависимости от их толкований семья принимала то или иное решение. Если он растолковывался так, что в нем ничего дурного и плохого нет, то все успокаивались. В противном же случае дело без духовенства не обходилось. Приглашенные гелюнгы читали молитвы, готовили фигурки из теста, заставляли видевшего сон держать во рту солому или палочку в то время, пока гелюнг читал молитву. По окончании

молитвы видевший сон должен был три раза плюнуть на солому через отверстие над решеткой у самой двери (тотхо). После этого солому выбрасывали.

Человек, видевший нехороший сон, немедленно после должен был плюнуть три раза, заклиная, чтобы то, что он видел во сне, не случилось.

Самым дурным считался сон, в котором человеку виделись зубы. Если человеку приснится, что у него выпали коренные зубы, то это значило, что непременно должен умереть кто-нибудь из младших членов семьи. Если же снилось выпадение последних зубов (зубов мудрости), то должен якобы умереть кто-нибудь из родителей. Когда же человеку снился сон, в котором он видел, что кибитка была не в порядке или, что ее убрали, то это тоже якобы предвещало смерть кого-нибудь из членов семьи. В таких случаях обычно приглашали гелюнгов, которые предотвращали несчастье. За услуги гелюнга платили большие деньги.

Некоторые знахари уверяли калмыков, что они все узнают посредством сна. Когда они ложатся спать, то к ним-де прилетают со всех сторон святые духи, которые через сновидения дают им возможность узнать обо всем. На основании этого знахари сплошь и рядом оставляли у себя своих пациентов на ночь, чтобы дать им исчерпывающий ответ на тот или иной вопрос, интересующий пациента. Но за услуги они брали немало денег.

ДНИ

Все дни по поверью калмыков делились на «счастливые» и «несчастливые». Все они определялись зурхачами (астрологами) по священным книгам. В несчастливые дни нельзя было предпринимать никаких дел, даже уезжать куда-нибудь. Уезжающему могли встретиться нечистые силы. Встреча с ними ничего хорошего не предвещала. Дело могло кончиться смертью. В счастливые же дни производились все дела. В эти дни уезжали по делам, женились, продавали, покупали и т. д. Все дела и работы, произведенные в это время, должны кончиться благополучно и принести каждому счастье. «Счастливые» и «несчастливые» дни играли в жизни калмыка крупную роль. Бывало часто так, что самые неотложные дела, благодаря «несчастливому» дню, не проводились в жизнь.

Между прочим, суеверные калмыки верили, что якобы зурхачи могут даже вычислить по своим священным книгам приблизительно, в какое время дня «гюцю»¹ начнут бегать.

¹Гюцю — нечистая сила.

«Гюцю» бывало три раза в месяц. Дни, когда оно бывало, будто меняются поквартально, которые были тоже известны только духовенству. Если калмыку крайне необходимо было выехать и он ни в коем случае не мог отложить поездку, то обычно обращался к гелюнгам, которые принимали необходимые меры для того, чтобы «гюцю» не встретился с уезжающими. Для этой цели они читали известные им молитвы, которые якобы должны, как говорят, «закрыть гюцю», т. е. он не должен встретиться с данным лицом, ибо они (гелюнги) закрыли ему дорогу. За свои труды гелюнги получали соответствующую мзду. Если надо было, то «гюцю» можно было обойти, в крайних случаях, и в «несчастливые дни». Так, если кому-нибудь надо было непременно уехать, то он накануне, в хороший день, еще до захода солнца собирал все то, что должен был захватить с собой, и, попрощавшись со всеми, уходил по направлению той стороны, куда он должен уехать. Отойдя некоторое расстояние, он останавливался, делал передышку, вынимал что-нибудь из провизии, кушал немного, после чего возвращался домой.

Такая процедура называлась «Мөр гаргах» — выводить след. Но так делали в самых исключительных случаях. Сплошь и рядом при самых неотложных делах в дни «гюцю» обычно никто не осмеливался уезжать куда-либо.

У калмыков бывали особые дни — «мацак» — «посты». Всех «мацаков» в месяце три. «Мацак» бывал восьмое, пятнадцатое и тридцатое число каждого месяца. В эти дни все верующие буддисты не должны были убивать ничего живого, даже паразитов и гадов, не воровать, не грубить, не оскорблять человека. В дни «мацака» набожные люди проводили время в молитвах, особенно в этом отношении отличались старики и старухи.

В дни «мацак» воспрещалось обычно есть мясо. Разрешалось употреблять только все молочное, чай, фрукты, овощи.

Что касается духовенства, то оно тоже проводило эти дни в богослужении.

ГОЛОВА

Голова у калмыков считалась священной. Не всякий имел право дотронуться до нее. Прикосновение же к голове дворянина или священника-гелюнга считалось величайшим святотатством. Считалось также большим оскорблением для мужчин, если к его голове прикасалась женщина. Ни один мужчина, уважающий себя, не мог допустить этого. Ни одна женщина не позволяла себе прикоснуться к голове мужчины, даже если это был ее муж, если не было на то особого разрешения мужчины. Женщине запрещалось надевать шапку мужа и старших род-

ственников по линии мужа. Ни одна женщина не должна была шагать через тело, особенно через голову мужчины. Когда калмыки хотели пожелать самое лучшее другому, то они говорили: «Пусть голова ваша будет здорова». Волосы так же, как и голова, считались священными. Так как волосы священны, то к ним нужно относиться бережно. Всякая стрижка, особенно бритье, раньше были сопряжены с известными церемониями. Калмыки брились и стриглись только в «счастливые» дни. Женщины волос не стригли и не сбрасывали. Волосы у них были неприкосновенными. Девушки волосы свои заплетали в косу или просто зачесывали назад, в одну косу, связывая их свободно на затылке. В две косы заплетать им не разрешалось. В две косы могли заплетать только замужние женщины. Сосватанные девушки ни в коем случае не должны были трогать (или стричь) свои волосы. Нарушение этого правила предвещало несчастье жениху. Ни под каким видом женщине не разрешалось носить волосы, закинутые за плечи. Так, по верованию калмыков, могли носить только ведьмы. Что касается волос детей, то всякое прикосновение к ним было связано с особой церемонией. День первой стрижки ребенка непременно должен был согласоваться с духовенством. Стричь мальчика мог только дядя ребенка, брат матери или дедушка.

Все волосы у калмыков после бритья и стрижки самым тщательным образом собирались, чтобы ни один отрезанный пучок не остался где-нибудь неподобранным. Собранные волосы зарывались в углу около дверей. Не допускалось, чтобы волосы попали в огонь. Владелец волос считал сжигание волос равносильным сжиганию самого себя.

Калмыки придавали большое значение волосам и потому они считали их обладающим особой силой. Примером для них является «нечистая сила», которая в их представлении обладает заросшими волосами. По этому поводу у калмыков существовало следующее поверье.

Одному калмыку нужно было ехать очень далеко. По дороге, в пустыне он встретил молодую женщину, которая просила его взять с собой. Калмык догадался, кем была на деле эта женщина, но отказать ей в просьбе не мог, ибо считал такой отказ бесполезным. Ночью, когда они расположились на ночлег, он незаметно переместился так, что там, где у него раньше была голова, очутились ноги, а сам он притворился спящим и стал наблюдать за женщиной. Когда ей показалось, что калмык заснул, она бросилась туда, где раньше была голова калмыка, и стала ее мять и душиить. Началась борьба. Калмыку удалось вырвать у женщины волосы. После этого она совершенно обес-

силела и стала просить пощады. Калмык не возвратил ей волосы. Приехав после этого домой, он спрятал ее волосы вместе с бурханами. Нечистая сила не могла достать их, ибо святость иконы не подпускала ее. Так «нечистая сила» жила у калмыка три года, выполняя всевозможную тяжелую работу. Однажды она достала свои волосы с помощью трехлетнего его сына. Получив свои волосы, она бросила ребенка в кипящее кислое молоко и ушла. По верованию калмыков, «нечистые силы» без своих волос никуда не уходят, ибо вся их сила заключается в волосах и следует за каждым шагом того человека, который взял их волосы. У калмыков бытовала поговорка: «Что пристаешь, как нечистая сила, у которой взяли волосы?»

Волосы должны быть причесаны прямым пробором. На них не может быть ничего. Если кто увидит, что к волосам пристало что-нибудь, обязан был снять это.

Самым хорошим предзнаменованием считалось, если мужчина входит в кибитку, где в это время моет голову женщина или причесывает волосы. Вошедший мужчина непременно должен был прикоснуться рукой к волосам головы женщины.

Особое внимание калмыки обращали на усы. Усы — это не меньшая святость, чем волосы головы. До них никто не должен касаться. По всей вероятности, когда-то, наверное, даже неразумные дети не могли трогать усов. Существовало такое предание. Какой-то царь держал на руках своего ребенка. Ребенок, играя, схватил царя за усы. Царь сильно разгневался на ребенка за такое святотатство и предложил казнить его как преступника. Мудрецы, которые находились при царе, посоветовали ему воздержаться, так весьма возможно, что ребенок неразумен. Царь согласился с этим и решил испытать его. Предложено было поднести к ребенку огонь. Если он схватит его, то это будет признаком, что ребенок еще ничего не понимает, а если не схватит, то это значит, что он схватил царя за усы с целью его обидеть. Ребенок поднесенный огонь схватил и только после этого решено было не казнить его. Это предание дает явное понятие о том, какое значение придавалось усам и как их свято берегли. Особенно большое значение калмыки придавали кончикам усов. Их они никогда не трогали и не стригли, считая, что кончики усов самые святые, в них все счастье и сила человека.

В прошлом калмыки рекомендовали вести знакомство с лицами, имеющими черные сплошные брови, мелкие аккуратные усы (как «хвост ласточки»), смуглое лицо, узкие черные глаза. Такой человек, по убеждению калмыков, никогда никого не обманет, не подведет и будет самым лучшим и искренним другом.

Ни под каким видом нельзя было вести знакомство с человеком, имеющим рыжеватое лицо. Такой человек считался ненадежным, с таким никогда не нужно вести знакомство.

КРОВЬ

«Проливать кровь грешно». «Не показывай кровь». «Это не угодно богу», — говорили калмыки. Особенно большое внимание обращалось на кровь человека.

Калмыки не разрешали пачкать своей кровью что бы то ни было. Например, если у кого из носа шла кровь, то ему предлагали, чтобы он осторожно, ничего не пачкая, собрал ее в одном месте и там же вымыл нос. Особенно строго следили, если кровь идет у постороннего человека. После того, как кровотечение прекращалось, все запачканные места тщательно вычищались.

Одним из дурных примет являлось, если у кого-нибудь по дороге в хурул пойдет из носа кровь. Считали, что такой человек очень грешен, т. е. много погубил жизней и святость места не может допустить такого грешного человека в свои пределы и дает ему знать об этом. Точно так же считалось дурным предзнаменованием, если во время свадьбы у невесты или жениха из носа пойдет кровь. Полагали, что жизнь молодоженов будет сопровождаться несчастьями.

Кровь некоторых животных у калмыков употреблялась как лечебное средство от многих болезней, особенно от болезней желудочно-кишечного тракта. Кровь обычно пили в теплом виде через чубук. Самым целебным против болезней желудочно-кишечного тракта и болезней крови считалась кровь барсука. По этому поводу бытовало среди калмыков такое предание: «Жил великий Эмчи лекарь. Лучше его не было в данной местности на расстоянии, как говорят калмыки, до которого могла достать лошадь (говорится о «дальности расстояния»). Он лечил людей от всех болезней и многих он излечивал. Имел он единственного сына. Однажды заболел у него этот единственный сын. Не жалел он ничего: ни силы, ни знаний для спасения своего единственного сына. Когда он посмотрел в священную книгу, то там указывалось, что мальчика может спасти только кровь черного и притом лысого животного. Лекарь испробовал кровь всех животных, которых он мог достать и которые, по его мнению, являлись теми животными, о которых говорилось в священной книге. Однако ничто не помогало. Мальчик с каждым днем таял, наконец, умер. Убитый горем, отец решил узнать причину смерти своего сына. Когда он вскрыл внутренность его, то наткнулся в аорте на твердую, как камень, сгустившуюся кровь.

Отец взял эту затвердевшую кровь и сделал себе рукоятку для ножа. Несколько лет спустя после смерти сына лекарь пришлось резать этим ножом барсука. Рукоятка ножа при соприкосновении с кровью барсука моментально растворилась и превратилась в настоящую жидкую кровь. Только после этого случая якобы он догадался, что животным, которое могло бы спасти его сына, был барсук, и что кровь его — ценнейшее средство против подобных болезней. Отсюда, как говорят, калмыки убедились, что кровь барсука — самое надежное лекарство от худосочия, хилости, болезней крови и желудочно-кишечного тракта.

ЗУБЫ

В прошлом у калмыков пища была в основном твердая. За редчайшим исключением у калмыков зубы были хорошие. Только к старости зубам много вредят «камни». Зубы у калмыков так крепки и остры, что они без всяких затруднений перегрызают кости мелких животных. Болезнь зубов у калмыков — редкое явление, если не считать воспаление десен. Впервые, когда стали болеть зубы, калмыки были сильно напуганы этим обстоятельством. Для них это разрушение зубов было непонятно. Они спрашивали недоуменно: «Как у живого человека могут разрушаться зубы?» Конечно, искали объяснение у гелюнгов.

Известен случай, когда один калмык, заметив дупло в зубе своего сына, до такой степени испугался, что мальчика с матерью отправил в больницу, а сам поскакал в хурул к гелюнгам.

С выпавшим зубом калмыки поступали следующим образом: владелец зуба, сидя, бросал его через плечо по направлению решеток передней части кибитки, говоря: «Пусть мои зубы будут крепче, чем ремни, прикрепляющие решетки». Ремни эти, приготовленные из невыделанной верблюжьей шкуры, бывали очень тверды. По мнению калмыков тверже их в кибитке ничего нет. Некоторые калмыки поступали иначе. Один выпавший зуб завертывали в тесто или во что-нибудь другое съедобное и бросали собаке, говоря: «Собака, бери мой зуб, дай свой, хороший зуб». При этом они были уверены, что у них новый зуб будет такой же крепкий, как у собаки.

ЧИХАНИЕ

Удивительно странные суеверия встречались порой у калмыков. В некоторых улусах предвестником величайшего несчастья считалось чихание во время отправления собственных нужд. Человек, с которым случилось подобное происшествие, немедлен-

но объявлял об этом своим ближним. Все были в панике. Каждый думает над тем, какое же несчастье ожидает семью. Все были удручены и ждали надвигающейся беды. За советом и спасением от несчастий обращались к гелюнгу. Гелюнг находил в своих священных книгах какую-нибудь причину, заставившую чихнуть злосчастного калмыка. Обычно все успокаивались после того, как было сделано пожертвование гелюнгу.

Свой страх калмыки объясняли так: чихание есть нечто святое, исходящее только от бога. Чихание подтверждает желание и мысль самого бога. На основании этого верования у калмыков принято было говорить чихнувшему: «Будь здоров», «Нос твой будет в масле», «Благодарствуй», «Бог благословит», «Будь долговечен», «Доживи до ста лет» и т. д. Ни один калмык не рисковал, бывало, не сказать эти слова чихнувшему. Если кто-нибудь чихал в то время, когда шел деловой разговор, то все были убеждены, что дело непременно удастся. Чихнувшему мазали маслом или жиром нос и давали еще самому съесть его. Масло и жир считались лучшим питанием. Смазывая нос, тем самым призывали богатство, благополучие и обилие.

Калмык был уверен, что если больной чихнет, то непременно поправится. По его мнению, только здоровый человек может чихнуть, но отнюдь не больной. Только около здорового человека может быть бог.

Таким образом, чиханию калмыки придавали большое значение.

ЖЕЛЧЬ

Калмыки считают, что к числу лекарственных веществ относится желчь как домашних, так и диких животных, в особенности ценилась волчья желчь. Желчь считалась целебным средством против многих болезней. Вера в целебность волчьей желчи среди калмыков раньше была велика.

ИМЕНА

Считалось неприличным, если невеста будет произносить имя своего жениха и его ближайших родственников и наоборот. Поэтому никогда не добьетесь, бывало, у жениха, а также и у невесты, чтобы они произносили имена друг друга.

При нечаянных встречах жених и невеста друг от друга прятались, точно так же они прятались от ближайших родственников каждой стороны.

УЗЛЫ И КОЛЬЦА

Довольно много курьезных обычаев и верований было связано с узлами и кольцами. Так, почти все без исключения калмыки верили, что бородавку на руках можно вывести не медицинскими средствами, а магическим путем. Часто лица, имеющие бородавку, мыли руки водой, оставшейся после дождя, на коровьих пометах. Такой водой рекомендовалось мыть руки три раза рано утром, не говоря ни одного слова. Калмыки были уверены, что после этого бородавки исчезнут. Прибегали к этому «средству» очень часто, хотя не бывало никаких улучшений.

Не рекомендовалось калмыкам сидеть, стоять или ходить, скрестивши руки. Это считалось одним из самых дурных предзнаменований. По убеждению калмыков, так могли себя держать люди, которых постигло тяжелое горе, несчастье в виде потери самых близких людей. Если калмыки заметят, бывало, кого-нибудь в таком положении, то сердились или ругали его за то, что он вызывает своим поведением несчастье тем, что он, не потеряв еще никого из близких, позволяет себе подобную позу. У калмыков воспрещалось скрещивать руки всем без исключения. Что касается ног, то скрещивать их могли только старики.

При воспалительных процессах калмыки перевязывали воспаленное место на границе со здоровой частью тела шелковой ниткой в виде кольца-браслета. Они верили, что воспаление дальше не пойдет. Точно так же поступали при ревматизме суставов рук. Для этой же цели, по их словам, они носили просто браслеты из меди или серебра.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЗЛА

Калмыки были в полной уверенности, что человеческие страдания, человеческую греховность возможно передать как одушевленному и неодушевленному предмету, так и от одного человека к другому.

Болезнь по поверью можно было передать на носильную одежду самого больного. Для этой цели брали обычно ту одежду, которая наиболее тесно прилегала к телу и которая больше всего пропитана потом больного, — носки, чулки, рубашки и т. п. Выносили все это белье больного из кибитки и выбрасывали на улицу.

Болезни детей, по мнению калмыков, происходили главным образом от испуга. Часто родители, желая знать, от кого и чего испугался ребенок и для того, чтобы вместе с тем «выгнать»

испуг из тела, закрывали голову ребенка какой-нибудь материей. Над головой держали чашку с водой. В эту воду выливали расплавленный свинец. Свинец принимал в воде какую-нибудь фигуру. По ее фигуре судили, от чего ребенок испугался. После этого ребенок должен был три раза плюнуть в воду и она с свинцом выливалась на улицу. После этого считали, что испуг перешел на фигурку, и ребенок должен был поправиться.

Калмыки при серьезных болезнях переносили все злое, что мешает больному выздороветь, в том числе и нечистые силы, на животное, главным образом, если был болен хозяин кибитки, на его любимую лошадь. Часто все это переносилось не на одно животное, а на целую группу, даже на несколько видов животных. Эти животные передавались хурулам. Передачу всего этого проводили гелюрги путем чтения молитв.

По поверью калмыков можно было не только заболеть вместо другого близкого человека, но даже умереть за него. При болезнях детей родители, особенно мать, прижимала ребенка к своей груди, чтобы болезнь и страдания от ребенка перешли к ней.

Калмыки считали также возможным переложить на какого-нибудь человека весь грех и болезнь другого. Старики рассказывали, что бывали случаи, когда опасную болезнь зайсанга или нойона в качестве «козла отпущения» высылали из пределов данной местности под видом какого-нибудь жителя, при этом такого человека снаряжали в самую лучшую одежду, давали ему любимую лошадь больного и снабжали его ружьем. После этого он должен был уехать в ту сторону, куда укажет духовенство с тем, чтобы больше уже не возвращаться обратно. Когда такой человек выезжал, сзади него плескали водой, бросали золу, стреляли из ружей.

ОТЪЕЗД

Человек, уезжающий куда-нибудь далеко, иногда угощал своих соседей: дарил табак и т. д. Подобные подарки и угощения назывались у калмыков «нэрян өххү» — «отдавать сон».

По убеждению калмыков таким путем можно было передать свой сон, т. е. по поверью человеку, находящемуся в дороге, крепкий сон является врагом. Путник должен быть бдительным, следить, чтобы его никто не обворовал. Уезжающий надолго человек перед отъездом объезжал своих ближайших родственников и хороших знакомых. Везде его сопровождали наилучшими пожеланиями, соседи по хотону и находящиеся вблизи родственники всегда приглашали на «чашку чаю». В день отъезда в его семье не должно было быть никаких ссор и слез. По пред-

положению калмыков, слезы — дурная примета, они предвещают уезжающему несчастье, болезнь, смерть. После отъезда кого-нибудь из кибитки не выносили золу, ибо она, по предположению калмыков, будет застилать дорогу уехавшему и тем самым помешает ему быстро выполнить свое дело.

Уезжающий человек не должен был брать с собой иголку с ниткой, ибо по поверью все предпринятое им будет зашиваться, т. е. не будет исполняться. Кроме того, всякий острый предмет якобы старается принести вред человеку.

Ни под каким видом не допускалось, чтобы уезжающего человека сопровождала собака, т. к. то дурная примета. Собака якобы идет вместе со своим хозяином, чтобы съесть его труп, когда он умрет. Исключение из этого составлял выезд (уход) на охоту с охотничьей собакой.

Уехавшему человеку калмыки никогда не оставляли готовых продуктов питания. Исключение делалось только по отношению к арке.

ФОТОГРАФИЯ

В прошлом калмыки избегали сниматься у фотографов. Считалось грешным делом стоять перед фотоаппаратом, считавшимся ими дьявольской машинкой. Довольно-таки курьезный случай был с одним калмыком, который перед империалистической войной поехал в Ставропольскую губернию со своими товарищами. Какой-то фотограф решил их заснять. Калмыки категорически отказались за исключением одного, который поддался уговору фотографа и дал себя снять с верблюдом. Товарищи считали сфотографированного и его верблюда погибшими. Ругали его как только могли. Они долго говорили по этому поводу, гадая о причинах, которыми руководствовался фотограф, снимая данного калмыка. Одни предполагали, что карточка будет передана военному ведомству и этого калмыка возьмут в солдаты. Другие считали, что его заснял фотограф, чтобы возбудить ложное судебное дело. Иные думали, что фотограф заснял с целью колдовства. Поэтому ждали, что калмык погибнет вместе с верблюдом. Фотографу, наверное, и в мысль не приходило, что его невинный снимок так сильно взбудоражит калмыков. Долго бедный калмык ждал всевозможных неприятностей.

Таковы были у калмыков обычаи и обряды, порождаемые господством ламаистской религии и феодально-буржуазного класса.